

АЛЕКСАНДР
НОСОВИЧ

ИСТОРИЯ
УПАДКА

ПОЧЕМУ У ПРИБАЛТИКИ
НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

СЕРИЯ
ЗАГОВОР
МОЛЧАНИЯ

Александр Александрович Носович

История упадка. Почему у Прибалтики не получилось

Серия «Заговор молчания»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18147300

*История упадка. Почему у Прибалтики не получилось: Алгоритм;
Москва; 2015*

ISBN 978-5-906798-27-5

Аннотация

Прибалтика, потерявшая за 23 года 20% населения, – это едва ли не самый быстро пустеющий регион в мире. Ни по одной стране в мире кризис 2008 года не ударил так сильно, как по Латвии. Экономические последствия упорной поддержки властями санкций против России катастрофичны. В Прибалтике, разделяющей западные «демократические ценности», теперь судят за споры по историческим вопросам, за несогласие с позицией властей отключают от эфира телеканалы, а старые советские фильмы, показываемые на Новый год, и песни российских исполнителей считают угрозой политическому строю... Эти страны существуют на основе квазирелигиозной системы табу, умолчаний, запретов, сакральных тем. Основа их государственности – этнический национализм, оборачивающийся

преследованием национальных меньшинств, прежде всего русских. В Европе XXI века при таком положении дел сложно говорить о прогрессе и передовом развитии.

Однако СМИ транслируют другой образ стран Прибалтики – их политические и экономические реформы представляют как «историю успеха». И разрыв между реальной Прибалтикой и ее мифологизированным восприятием стремительно растет.

Цель этой книги – показать настоящие, а не выдуманные Литву, Латвию и Эстонию, доказать реальность их проблем и объяснить, как и почему, встав однажды на «балтийский путь», эти страны оказались в тупике и что с ними будет дальше. Кроме того, в «Истории упадка...» представлен оставшийся за рамками первой книги анализ геополитической функции Прибалтики как «буферной зоны» между Россией и Западом.

Содержание

От автора	7
Введение	12
Глава I	19
1. Депопуляция Прибалтики: пустырь на окраине ЕС	20
2. Эмиграция в цифрах: сколько людей уехало из Литвы, Латвии и Эстонии?	28
3. Чемоданные настроения: эмиграция как жизненная цель прибалтийской молодежи	40
4. Прибалтостан: где и кем в Европе работают гастарбайтеры из Литвы, Латвии и Эстонии	45
5. Истории эмигрантов: как «англотаджики» начинают всё с нуля	55
6. Реэмиграция: удастся ли странам Балтии вернуть своих людей назад?	62
Глава II	67
1. Динозавры Прибалтики: скелеты промышленных предприятий Литвы, Латвии и Эстонии	69
2. Деиндустриализация. Почему прибалтийская промышленность распиливалась на металлолом?	80
3. «Жирные годы» Литвы, Латвии и Эстонии:	89

как раздувались «балтийские тигры»	
4. Пропало всё: мировой кризис 2008 года и социально-экономическая катастрофа балтийских государств	96
5. «История успеха»: как Прибалтика «преодолела» экономический кризис	103
6. На игле: прибалтийские экономики и дотационные фонды ЕС	113
7. Великие стройки независимости: геополитика вместо экономики	119
8. Раздвоение Прибалтики: Евразийский союз и транспортно-логистическая инфраструктура Литвы, Латвии и Эстонии	134
9. Поздно пить «Боржоми»: скандинавская оккупация вместо возрождения экономики	138
Глава III	149
1. Теория оккупации: краеугольный камень прибалтийской государственности	151
2. «Возмещение ущерба» и тюрьма за отрицание «оккупации»: историческая политика в странах Балтии	162
3. Комиссии историков: прошлое как догматическая основа легитимности прибалтийских режимов	171
4. Сакральная дата Литовской республики: 13 января	177

Александр Александрович Носович История упадка Почему у Прибалтики не получилось

От автора

«Pastalās, bet brīvi!» («В лантях, но свободные!»)
Девиз движения за независимость Латвии

Прибалтика – это наиболее быстро пустеющий регион в мире: за 23 года Литва, Латвия и Эстония потеряли 20% населения – 1,5 миллиона человек. Такого там не было никогда. Нигде в Европе нет таких масштабов эмиграции населения. Ни по одной стране в мире кризис 2008 года не ударил так сильно, как по Латвии.

Однако в СМИ транслируется другой образ стран Прибалтики – их политические и экономические реформы представляют как «историю успеха». И разрыв между реальной Прибалтикой и её мифологизированным восприятием стремительно растет.

Советская заграница и «наш маленький Запад», «идеальная модель» перехода от социализма к рынку, затем «балтийские тигры» – Прибалтика всегда воспринималась как самый прогрессивный, самый передовой и самый европейский регион Советского Союза, а затем и постсоветского пространства. На самом деле там точно так же, как в других постсоветских республиках, у власти сохранились старые партийные и комсомольские кадры, а методы их работы основываются на худших советских практиках. В Прибалтике появились свои диссиденты, теперь там судят за споры по историческим вопросам, за несогласие с позицией властей отключают от эфира телеканалы, а старые советские фильмы, показываемые на Новый год, и песни российских исполнителей считают угрозой политическому строю.

Постсоветские Литва, Латвия и Эстония существуют на основе квазирелигиозной системы табу, умолчаний, запретов, сакральных тем. Основа их государственности – этнический национализм, оборачивающийся преследованием национальных меньшинств, прежде всего русских. В Европе XXI века при таком положении дел сложно говорить о прогрессе и передовом развитии.

Поэтому главная цель данной книги – показать настоящие, а не выдуманные Литву, Латвию и Эстонию. И доказать реальность их проблем. Настоящая Прибалтика – это не история успеха. Это история упадка. Увядания, старения, дряхления и массового исхода трудоспособного населения.

Это проявляется во всём: и в том, что оттуда хочет уехать абсолютное большинство молодежи, и в разрушенных предприятиях, и в болезненной актуальности старых обид 70-летней давности. Встав однажды на «Балтийский путь», эти страны оказались в тупике. И объяснение того, как и почему Литва, Латвия и Эстония в своем развитии зашли в этот тупик, что с ними будет дальше и чем это грозит Европе, – ещё одна цель, которую преследует автор.

В январе 2015 года в издательстве «Алгоритм» вышла книга «Задворки Европы. Почему умирает Прибалтика». За время, прошедшее между сдачей рукописи книги в печать и её публикацией, произошли события, которые только подтвердили главную мысль этой работы: в современной Прибалтике происходит системная деградация всех сфер общественной жизни. Упорная поддержка властями Литвы, Латвии и Эстонии санкций против России нанесла тяжёлый удар по транспортно-логистической отрасли этих стран. Сократился грузооборот всех морских портов, из-за сокращения перевозок переживает кризис железная дорога, российская «Транснефть» отказалась от транспортировки нефтепродуктов через Прибалтику. От ответных санкций России страдают производители сельскохозяйственной продукции стран Балтии, но политическое руководство этих стран (Литвы, прежде всего) сознательно идет на уничтожение своей аграрной промышленности, только усиливая градус антироссийской риторики на международной арене.

В Латвии сбылась многолетняя мечта местных националистов: из Юрмалы ушли русские туристы и русские деньги. В курортном городке на берегу Балтийского моря больше не будут проводиться ни «Новая волна», ни «Голосящий КиВиН», ни «Юрмалина», ни фестиваль Comedy club. Этим Латвия тоже обязана по мере сил пытающимся бороться с Россией местным политикам. Наконец, во всех трех странах продолжается не останавливающаяся эмиграция населения.

Геополитическая функция Прибалтики – это та составляющая «балтийского пути», которая осталась за рамками первой книги. Без анализа роли балтийских стран как буферной зоны, разделяющей Россию и Запад, трудно понять, как и почему Прибалтика превратилась в задворки Европы. Кроме того, всегда нужно помнить, что Литва, Латвия и Эстония – это три разные страны, находящиеся в одном регионе и имеющие схожую историческую судьбу. Поэтому, помимо изучения общих особенностей прибалтийского региона, необходимо изучение и каждой из составляющих его стран по отдельности. Прежде всего – изучение их истории, потому что только изучив историю литовского, латышского и эстонского народов, можно получить представление об их культурном коде, определяющем действия созданных этими народами государств.

Поэтому объем первой книги был увеличен вдвое: «Задворки Европы» пополнились несколькими новыми главами и превратились в новую большую книгу. Цель этой книги всё

та же – показать настоящие, а не выдуманные Литву, Латвию и Эстонию. И доказать реальность их проблем. Встав однажды на «балтийский путь», эти страны оказались в тупике. Эта книга нужна для того, чтобы объяснить, как и почему Литва, Латвия и Эстония в своем развитии зашли в этот тупик и что с ними будет дальше.

Александр Носович

Введение

Мифы Прибалтики и мифы о Прибалтике

Самая прогрессивная, самая утонченная, изысканная, ло- шеная, европейская – такой была Прибалтика в сознании нескольких поколений советских людей. Советская Сканди- навия, «наш маленький Запад» – сколько жителей огромной страны в 70-80-е годы мечтали увидеть Литву, Латвию и Эс- тонию своими глазами, посмотреть на настоящую Европу, не переходя за ту сторону «железного занавеса»!

Мода на Прибалтику в позднем СССР была бесконечной.

Три прибалтийских республики, наряду с советской массовой культурой, сформировали *modus vivendi* человека эпохи «развитого социализма» – мечту о европейском образе жизни, культуре быта и уровне потребления без отказа от советского проекта.

В советскую Прибалтику ехали, чтобы покупать лучшие в стране продукты и ткани, не простаивая часами в очередях, пить кофе в барах и ресторанах, не выслушивая хамоватых официанток, и гулять по узким улочкам, на которых снимали политические детективы про «загнивающий Запад». Запад, конечно, загнивает, но пахнет хорошо: почувствовать аромат своего собственного замороженного Запада и приез-

жали в Прибалтику по 2,5 миллионов человек в год – 12% от всех советских туристов.

Литовская, Латвийская и Эстонская ССР были на $\frac{1}{6}$ части суши пространством свободы. Для всех. Интеллектуалы ездили в Тарту послушать лекции академика Лотмана, молодежь ездила туда же на первый в Союзе регулярный рок-фестиваль. В Риге появилась первая дискотека, в Таллине – жевательная резинка, в Вильнюсе – «шведский стол». «Ну, из нашего достаем разве только прибалтийское» – эта фраза относилась и к проигрывателям для грампластинок, и к духам фирмы «Дзинтарс», и к эстонскому трикотажу.

Советский Союз построил для своих граждан среднего достатка потребительский рай и несколько десятилетий демонстрировал его на узкой полоске вдоль берега Балтийского моря.

О том, что «наш маленький Запад» создан искусственно и за счет остальной страны, имели представление немногие и не говорил вообще никто. За счет остального СССР «три прибалтийских сестры» удовлетворяли все свои потребности в нефти, газе, угле, химической продукции – всё это продавалось им по дотационным ценам, менее чем в половину от реальной стоимости. Сельскохозяйственную продукцию Прибалтика производила тоже на чужие деньги: мелиорация земель осуществлялась целиком за счет союзного бюджета, при этом в Прибалтике было осушено около 80% всех сельхозугодий, тогда как в целом в СССР – 6,8%, а в соседних

Псковской и Смоленской областях – 2,5–3%. Фабрики и заводы, пансионаты и санатории, морские порты и даже собственную атомную станцию – всё это Литве, Латвии и Эстонии строил союзный Центр.

Но для советского обывателя, живущего мечтой прогуляться по Юрмале «долгой дорогой в дюнах» или отыскать в Риге ту самую Блюменштрассе из «Семнадцати мгновений весны», всё это было неинтересно и неважно. Поэтому когда в перестройку Прибалтика первой побежала из СССР, столичная и не только либеральная интеллигенция встретила этот процесс с восторгом: мол, у прибалтов «совка» было меньше всего, будет исторически справедливо, если они первыми и уйдут в Европу. Гибель 13 литовцев и 5 латышей в январе 1991 года вызвала даже больший шок, чем тысячи жертв Нагорного Карабаха: как можно силой удерживать эти европейские небесные создания в «этой стране»?! Первой же крови в Прибалтике оказалось достаточно, чтобы Горбачев навсегда отказался от идеи вернуть её силой, а весь мир признал независимость балтийских республик.

В 90-е годы отношение к странам Балтии изменилось. Если в восьмидесятых «маэстро» Раймонд Паулс подарил России лучшие песни Аллы Пугачевой, то в девяностых Латвия и Эстония обогатили русский язык словом «неграждане». Вчерашние поклонники Рижского Дома моды с ужасом узнавали, что в новой, «европейской» Прибалтике разрешена свастика, проходят марши ветеранов СС, советских вете-

ранов преследуют, а протестующих пенсионеров избивают. Правительства «свободной Балтии» тайно и явно поддерживают чеченских боевиков, а отношения с Россией сводятся к требованиям заплатить им за «советскую оккупацию».

Однако сформировавшийся при Брежневе образ «нашего маленького Запада», который теперь стал частью Запада настоящего, большого, оказался живуч. Поэтому для Литвы, Латвии и Эстонии стали искать и находить оправдания. И в войне всё было не так однозначно, и оккупация у них в самом деле была, и русских у них есть основания не любить, и лишение прав они обосновывают, и вообще они же маленькие! Пройдут этап формирования национального государства, переберутся, возместят былые обиды и станут терпимее и добрее.

В результате на базе старого сформировался новый миф: страны Балтии – это образец того, как нужно жестко, радикально и без «достоевщины» переходить к западным институтам, демократии и рынку. Безжалостно рвать со всем советским, включая и людей. С Россией как правопреемницей СССР не церемониться, перегнуть палку с национализмом при создании новой идеологии не бояться. Только так и можно вернуться на украденный советской властью европейский путь развития.

У многих плохо информированных или живущих в своем собственном мире граждан такое представление о Прибал-

тике существует до сих пор. У большинства же российско-го населения никакого представления о тех трех странах не осталось вовсе: за минувшие десятилетия Литва, Латвия и Эстония выпали из поля зрения – они давно уже никому не интересны. А для тех, кому хочется «жить как в Европе», теперь открыта для подражания настоящая Европа. Хоть Швеция, хоть Италия, хоть Бельгия, хоть Швейцария. Но где-то на массовом уровне всё же присутствует ощущение, что из всех 15 республик бывшего СССР только прибалты и стали «настоящими европейцами».

Это ощущение ложное. «Настоящие европейцы» – это такой же миф, как «балтийские тигры», якобы создавшие суперэффективную рыночную экономику. В реальной Прибалтике сажают за споры по историческим вопросам, за несогласие с позицией властей отключают от эфира телеканалы, а старые советские фильмы, показываемые на Новый год, и песни российских исполнителей считают угрозой политическому строю. Уехать оттуда и никогда не возвращаться мечтает абсолютное большинство местной молодежи, а 20% населения уже уехали, и этот процесс продолжается.

Ни один регион в Европе не имеет таких темпов запустения и оскудения. Эстонцы, латыши и литовцы – это вымирающие народы: у них смертность стабильно превышает рождаемость, а молодое поколение бежит в Западную и Северную Европу. При сохранении нынешних темпов деградации через 40–50 лет

Латвия, Эстония и Литва войдут в историческую науку как первые в мире государства-призраки: территория и суверенитет у них будут, а населения – нет.

Сегодня Прибалтика заслуженно находится на обочине мировой истории, однако совершенно несправедливо, что ученые всего мира уделяют ей так мало внимания. Ведь это выдающийся объект для исследования: европейский регион, который в XXI веке неуклонно превращается в пустырь. Это в XIX веке в Италии или Ирландии целые города стояли пустыми, потому что жители целыми городами эмигрировали в Америку; сейчас в Европе такое представить невозможно. Но в Латвии и Литве именно это и происходит – города стоят полупустыми, потому что жители эмигрировали. В современной Европе, а не в постколониальной Африке, новые правители сознательно и методично уничтожали свою промышленность и сельское хозяйство, называя это «наследием оккупации». В Латвии и Эстонии даже возник собственный апартеид – институт негражданства.

Когда распался СССР, Россия как единственная официальная преемница наследовала и все долги Советского Союза. Страны Балтии, таким образом, вступали в новую жизнь, ничем финансово не обремененные. Сейчас государственный долг Литвы составляет больше трети, а Латвии – около половины от их ВВП. Реальное производство там уничтожено, а экономика знаний быть создана уже не может – это к вопросу о «балтийских тиграх». Политическое в Прибалти-

ке деградирует не меньше, чем экономическое: от выборов к выборам националисты приходят к власти на теме «русские идут!». Кроме мифов о Прибалтике есть мифы и самой Прибалтики, которые придумало и распространяет политическое руководство, как для внутреннего, так и для внешнего употребления. Теория «советской оккупации», за отрицание которой могут посадить в тюрьму те же люди, что и в годы «оккупации» находились у власти, возглавляли республиканские ЦК или горисполкомы, преподавали в высших школах КПСС. «Русская угроза» – все помыслы Кремля направлены на то, чтобы захватить Литву, Латвию и Эстонию, местные русские – пятая колонна Москвы, а все настоящие патриоты должны быть бдительны, готовы в любой момент дать отпор и т. п. Неудивительно, что при такой социально-психологической атмосфере из Прибалтики уезжают сотни тысяч человек, отказываясь там жить или, во всяком случае, не желая этого своим детям.

Постсоветская Прибалтика – это история упадка, а не успеха. Разобраться в причинах этого упадка очень важно для любого человека, который не хочет, чтобы его страна прошла по «балтийскому пути». Этот путь до сих пор многим кажется привлекательным: европейские институты, безвизовый режим, членство в ЕС, в НАТО... Но на самом деле это путь в балтийский тупик.

Глава I

Пора валить: эвакуация из зоны социально- экономического бедствия

*Последний, кто будет улетать, не забудьте
выключить свет в аэропорту.
Прибалтийская шутка*

Прибалтика – стремительно пустеющий регион. Любые разговоры об эффективности модели развития балтийских стран опровергаются неоспоримым фактом: из этих стран массово уезжают люди. Подобных темпов эмиграции эта часть побережья Балтийского моря ещё не видела: население Литвы, Латвии и Эстонии тает на глазах, растекаясь тонким слоем по Евросоюзу. Едва ли можно считать успешными страны, из которых мечтает уехать абсолютное большинство молодежи и уже уехали сотни тысяч человек.

1. Депопуляция Прибалтики: пустырь на окраине ЕС

По данным последней советской переписи населения, в 1989 году в Прибалтике проживало почти 8 миллионов человек. По данным статистических служб Литвы, Латвии и Эстонии, сейчас на той же территории проживает 6,1 миллиона человек.

То есть за последние 25 лет Прибалтика потеряла примерно два миллиона жителей. Население региона сократилось почти на четверть! Это беспрецедентный показатель для современной Европы: в одном из регионов ЕС происходит настоящая демографическая катастрофа – население Литвы, Латвии и Эстонии сокращается в масштабах, которые ставят под сомнение будущее этих стран.

Для внешнего мира трагедия Прибалтики не заметна – ему до нее вообще особого дела нет. Но для самих Литвы, Латвии и Эстонии ситуация от этого не менее драматична: речь идет ни больше ни меньше как о национальной катастрофе. Государства Прибалтики лишаются человеческого капитала: при продолжении нынешних темпов процесса сокращения населения (а этот процесс и не думает останавливаться) у них в долгосрочной перспективе вместо населения останется одна лишь территория.

В мировой истории такие демографические катастрофы в такой короткий срок вызывались войнами, эпидемиями и потерями территорий. Но «три прибалтийские сестры» вышли из СССР практически бескровно, за независимость не воевали, всю территорию сохранили, а из массовых эпидемий в Европе к концу XX века остался только грипп. Тем не менее по итогам двух десятилетий независимости Литва потеряла миллион жителей – было 3,7 миллионов населения, стало – 2,7 миллионов – минус 27% населения. Численность населения Латвии недавно «преодолела психологически важную отметку»: в 2014 году Центральное статистическое управление признало, что жителей страны уже меньше 2 миллионов человек. На момент провозглашения независимости в Латвии жили 2,7 миллионов человек, значит, поражение в численности составило 26% населения. Не так драматически, но тоже сократилось население Эстонии: было полтора миллиона жителей, стало 1,3 миллиона – то есть страна потеряла 13%.

Прибалтика никогда не была плотно заселенным регионом, но и таких темпов сокращения численности там тоже никогда не было. Плотность населения в регионе сейчас составляет 39 человек на квадратный километр – по этому показателю балтийские страны идут во второй сотне государств мира, а в Европе менее заселены только соседи по Балтийскому региону – страны Скандинавии.

Кстати, как раз в Скандинавии XIX веке население со-

кращалось со скоростью, сравнимой с прибалтийской, и это также было связано с эмиграцией и невозможностью нормально жить на родине. Но эту аналогию лучше не развивать – сказанное вовсе не означает, что страны Балтии по итогам своего нынешнего развития станут жить как шведы и норвежцы. Ирландцы, итальянцы, шведы, португальцы и прочие народы уезжали в Америку в условиях и под влиянием демографического бума, охватившего Европу в XIX веке. Латыши, литовцы и эстонцы бегут из своих стран в условиях, когда смертность там стабильно превышает рождаемость, а власти по идейным соображениям не хотят заниматься социальной политикой. В результате происходят вымирание прибалтийских народов и эмиграция, вызываемая в том числе социальной политикой: чужие страны – Великобритания, Ирландия, – в отличие от родных, демократически избранных лидеров, сразу по прибытии предоставляют латышу/литовцу «социальный пакет» (подробнее см. главу VII).

В сухом остатке: на территории 175 тысяч квадратных километров обитает 6,1 миллиона человек, и население продолжает убывать. На юге с Прибалтикой граничит 38-миллионная Польша, на востоке – 142-миллионная Россия, на севере – быстрее всех среди государств Балтийского региона растущая Скандинавия.

По подсчетам латвийского демографа Петериса Звидриньша, по итогам прошлого десятилетия среди стран региона Балтийского моря численность населения выросла толь-

ко в Скандинавии (и существенно выросла: 8,3% в Норвегии, 5,4% – в Швеции, 3,5% – в Финляндии), что связано в первую очередь с иммиграцией, во вторую – с особым отношением скандинавских государств к социальной политике. А рекордсменами сокращения населения оказались Латвия и Литва, что связано в первую очередь с эмиграцией, во вторую – с игнорированием балтийскими государствами социальной политики ¹.

Когда-то успешный, растущий и развивающийся регион, сейчас Прибалтика превращается в пустырь на окраине Европейского союза, со всех сторон окруженный более успешными соседями.

Эти соседи продолжают развиваться: при всех различиях в развитии Норвегии и Белоруссии, России и Финляндии, Швеции и Польши, эти страны объединяет то, что история в них не остановилась. Можно ли сказать то же самое о Литве, Латвии и Эстонии? Первое впечатление, которое возникает от знакомства с ними, – это ощущение остановившегося времени. От поездок по Латгалии (восточной Латвии) у путешественников возникают ассоциации со взрывом нейтронной бомбы: города, здания, улицы остались, а людей нет. Такие ассоциации не удивительны: в Даугавпилсе жило 130 тысяч человек, сейчас – 90 тысяч, в Резекне – 43 тысячи, сейчас – 32 тысячи. В Лиепаве жило 114 тысяч, теперь – 80, в Екаб-

¹ Pēteris Zvidriņš. Demographic development in Baltic Sea region // http://www.lza.lv/LZA_VestisA/66_5-6/5_Peteris%20Zvidrins.pdf

пилсе соответственно 31 и 24 тысячи.

Согласно результатам последней переписи, 21% жилищ в Латвии пустует.

«Самый русский» город Эстонии – Нарва, в 1989 году насчитывал 81 тысячу жителей, спустя четверть века – 62 тысячи. В «самом эстонском» городе Эстонии – Тарту – четверть века назад жили 114 тысяч человек, теперь – 92 тысячи. В Каунасе, одном из двух важнейших городов литовской истории, жило 423 тысячи, теперь живет 300 тысяч, в Клайпеде было 207 тысяч, стало – 157 тысяч. И речь ещё идет об относительно крупных городах, что уж говорить о поселках городского типа и сельской местности – наполовину пустых, депрессивных, начисто лишившихся молодежи? Абсолютное большинство населения там даже не живет, а доживает свой век, ничего нового от жизни не ожидая.

Можно возразить, что описанная картина провинциального упадка типична не только для Прибалтики – ещё более депрессивные картины с заброшенными деревнями и полупустыми городами можно увидеть в соседних Псковской и Ленинградской областях России. Это правда, но только в Литве, Латвии и Эстонии деградация распространяется не на условную провинцию, а на всю страну. В странах Балтии нет «точек роста», в которых концентрируется всё активное, трудоспособное население, в которые стремятся перебраться из родной глухомани. В Прибалтике глухоманью считают свои страны в целом, и внутренняя миграция там никакой

значимости не имеет. Из Псковской области хотят уехать в Санкт-Петербург или Москву – Россия, таким образом, ничего не теряет. Из Прибалтики «валят» в Лондон, Дублин, Норвегию, Финляндию – тем самым Литва, Латвия и Эстония неуклонно теряют человеческий потенциал.

О том, что депопуляция в регионе – недуг общегосударственный, ясно свидетельствует статистика по столицам. Прибалтийские столицы в численности теряют точно так же, как глубинка. Во время провозглашения независимости Эстонии в Таллине жило 482 тысячи человек, сейчас – 395 тысяч. В Вильнюсе за четверть века население снизилось с 583 до 523 тысяч. В 1989 году в Риге проживало 915 тысяч человек – вместе с пригородами это был город-миллионник. Теперь в столице Латвии живет 700 тысяч человек.

«В центре Риги, конечно, хорошо: там очень культурно, в ресторанах вкусно кормят, никто не хамит, всё спокойно общаются на русском языке, если туристы из России или Украины. Но это туристы – они приезжают и уезжают. А местные сидят по домам, денег у них нет, поэтому еду и обслуживание в ресторанах они оценить не могут. И ощущение застывшей жизни, увядания какого-то, конечно, чувствуется, – рассказывает бывшая жительница Латвии, переехавшая в Калининград. – Здесь я постоянно вижу молодых мам и пап с колясками – для Латвии это зрелище непривычное... Я сейчас туда приезжаю, так потом даже фотографии в Facebook специально выкладываю, потому что я в центре города могу на-

ходиться в выходной день и видеть на улицах три человека и две машины»².

За минувшие два с половиной десятилетия балтийские государства потеряли самое главное – человеческий потенциал.

За два постсоветских десятилетия их население уменьшилось настолько же, насколько оно увеличилось за четыре десятилетия в составе СССР. К началу Второй мировой войны в независимых Литве, Латвии и Эстонии проживало столько же народу, сколько живет в них сейчас. При всех реально имевших место репрессиях сталинского режима, в гипертрофированной форме расписываемых ныне прибалтийскими политиками, по итогам советского периода истории титульные нации Литвы, Латвии и Эстонии были многочисленны как никогда. По итогам двух десятилетий существования провозглашенных во имя их сохранения и процветания национальных государств, литовцы, латыши и эстонцы отказываются жить в своих странах и эмигрируют – происходит неуклонное вымирание титульных наций балтийских стран.

Едва ли можно назвать историей успеха то, что три государства, у которых в момент перехода в «самостоятельное плавание» были все стартовые данные, необходимые для успешного развития, в итоге откатились до показателей пер-

² Эмигрант: в Калининграде по сравнению с Латвией жизнь просто кипит // <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/pereselenets-v-kaliningrade-po-sravneniyu-s-latviej-prosto-zhizn-kipit15072013/>

вой половины прошлого века по численности населения. «Страны Балтии, часто представляющиеся в западной прессе как смелые экономические реформаторы и образцы „новой Европы“, как представляется, самая быстро вымирающая область во всём мире, – пишет экономический обозреватель Forbes Марк Адоманис. – Так что в следующий раз, когда вы слышите, как „Балтией“ оправдывают ту или иную консервативную экономическую политику, имейте в виду, что в течение последних двух десятилетий численность их населения рухнула с исторически беспрецедентной скоростью»³.

³ Mark Adomanis The Baltic Demographic Disaster: Since 1992 The Region Has Lost More Than 20% Of Its Population // <http://www.forbes.com/sites/markadomanis/2013/07/19/the-baltic-demographic-disaster-since-1992-the-region-has-lost-more-than-20-of-its-population/>

2. Эмиграция в цифрах: сколько людей уехало из Литвы, Латвии и Эстонии?

Главная причина феноменального обезлюдения Прибалтики – повальная эмиграция населения из региона. Из стран Балтии не просто уезжают – из них бегут: этот процесс начался с момента провозглашения независимости и не прекратился до сих пор. Для современной Европы, в которую всё больше иммигрируют из Азии и Африки, подобные темпы эмиграции отдают XIX веком и совершенно нетипичны. Прибалтика не только обгоняет Болгарию и Румынию в качестве лидера европейской эмиграции – происходящие там процессы опустения территории находятся за гранью любых тенденций, имеющих место в Европе.

Литва

По официальным данным Департамента статистики Литвы, с 1990-го по 2010 год из страны уехало 615 тысяч человек – это пятая часть населения страны. В среднем в год из Литвы эмигрировали по 30 тысяч человек, к середине 2000-х поток эмигрантов было замедлился, однако с началом экономического кризиса 2008 года началась уже массовая эвакуация населения. Согласно тому же Департаменту статисти-

ки, в 2011 году из Литвы уехали 54 тысячи человек, в 2012 – 41 тысяча, в 2013 – 39 тысяч. Если сложить эти цифры с данными за предыдущие 20 лет, то получится, что за четверть века Литву покинули 750 тысяч человек, и это только официальные цифры – далеко не все уезжающие декларируют свой отъезд из Литвы.

Реальные цифры эмиграции приближаются к миллиону.

Пик эмиграции – он же и пик кризиса: рекордные 84 тысячи жителей эмигрировали из Литовской республики в 2010 году. Тяжелое экономическое положение и отсутствие в Литве рабочих мест называются главными причинами литовской эмиграции во всех международных отчетах, посвященных этой проблеме.

«Большинство эмигрантов покидают Литву после потери работы. Например, 85% лиц, декларировавших свой отъезд в 2010 году, указали, что до отъезда они были безработными в течение года и более. Этот фактор отталкивания усиливает такой аспект притяжения, как заработная плата в основных странах назначения эмигрантов. С точки зрения покупательной способности она в два-три раза выше, чем в Литве. С точки зрения современных цен (то есть без учета стоимости проживания в странах назначения) заработная плата может в шесть раз превышать среднюю зарплату в Литве», – говорится в докладе 2011 года Вильнюсского бюро Международ-

ной организации по миграции⁴.

В том же докладе отмечается «необходимо учитывать и другие социально-экономические факторы, например, чувство социальной незащищенности, недостаток справедливости, неудовлетворительное отношение работодателей к работникам, лучшие перспективы карьеры за границей». Трагическое состояние социальной сферы в Литве подтверждают и в ЕС. Согласно «Eurostat», в 2013 году 32,5% населения Литвы жили в риске материальной отчужденности, то есть на грани депривации – психического состояния, вызванного лишением человека средств для удовлетворения необходимых жизненных потребностей. Согласно ему же, 54% литовцев жалуются на состояние здоровья – это один из худших показателей в Европе.

При таких показателях, да в условиях, когда страна входит в ЕС и границы открыты, неудивительно, что люди массово бегут из Литвы.

«Данные показывают, что высококвалифицированные работники умственного труда, высококвалифицированные рабочие составляют почти 40% эмиграционного потока. Как следствие, в некоторых сферах рынка труда уже ощущается дефицит ученых, инженеров, медицинских работников и IT-специалистов. Эта „утечка мозгов“ вызывает всё большее беспокойство в Литве» – говорилось в «Обзоре междуна-

⁴ Миграция в Литве: факты и цифры // http://www.iom.lt/documents/Migration_profile_RU.pdf

родной миграции» Организации экономического сотрудничества и развития за 2007 год. «Безработица, особенно среди молодежи (35,1% в 2010 году и 32,9% в 2011 году) может частично объяснить рост доли эмигрантов в возрасте от 20 до 34 лет с докризисного уровня в 47% в 2008 году до 56% в 2011 году. С непропорционально высокой долей эмиграции молодых людей и демографическим дисбалансом связана ожидаемая в будущем нехватка рабочей силы», – сказано в аналогичном докладе ОЭСР за 2013 год⁵.

То есть международные эксперты последовательно диагностировали все эти годы, что из Литвы разъезжаются все возможности для её развития в будущем: научно-технические работники, квалифицированные специалисты, молодежь. Половина литовской эмиграции – люди со средним профессиональным и высшим образованием. Больше половины (52%) уехавших – женщины. Чаще всего уезжают молодые люди, не успевшие обзавестись семьей, однако устойчивая тенденция последних нескольких лет – эмиграция целыми семьями. Или, как вариант, детей оставляют со старшими родственниками или остающимся родителем с расчетом на то, чтобы через несколько лет, после обустройства на новом месте, всё равно их вывезти. Говорить о временном характере трудовой миграции в виду этого становится

⁵ International migration outlook – 2013 // http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2013_migr_outlook-2013-en#page2

совсем глупо. Традиционная семья по-литовски – это всё чаще дедушка с бабушкой, к которым дети отправляют на лето внуков из Лондона. О том, что дети или внуки, когда вырастут, будут жить в Литве, естественно, и речи не ведется. Будущего у страны, живущей подобным образом, нет.

Латвия

Реальные масштабы эмиграции из Латвии многократно отличаются от цифр Центрального статистического управления, потому что, например, из семи латвийцев, регистрирующих своё прибытие в страну в миграционной службе Ирландии, только один зарегистрирован как человек, покинувший страну, в миграционной службе Латвии. По подсчетам профессора факультета экономики и управления Михаила Хазана, с 2000-го по 2011 год из Латвии уехало 140 тысяч человек, и это не считая тех, кто находится в странах ЕС на полуполюгальной основе – не регистрируясь. Другой профессор Латвийского университета, руководитель аудиторской фирмы BDO Invest Riga Андрис Дениньш в 2012 году утверждал, что всего за годы независимости из Латвии уехало, как минимум, 450 тысяч жителей, а не 200 тысяч, как утверждает официальная статистика. Результаты переписи населения 2011 года показали, что за границей пребывает 326 тысяч граждан Латвии. Все эти споры о реальных и «нарисованных» цифрах эмиграции ведутся в стране, население которой уже меньше 2 миллионов человек.

Первый пик эмиграции в Латвии пришелся на начало 90-х – из страны побежало русское население, лишенное гражданства и провозглашенное «оккупантами». Не побитый до сих пор рекорд эмиграции был установлен в 1993 году: на следующий год после разделения общества на граждан и «неграждан» из Латвии навсегда уехали 36 тысяч человек. Совсем другая история началась после вступления страны в ЕС. За 10 лет членства в Евросоюзе из Латвии эмигрировали 13% населения. Пик эмиграции пришелся на мировой экономический кризис, ударивший по Латвии сильнее, чем по кому бы то ни было, и сделавший её страной-банкротом. По данным Центрального статуправления, в 2010 году республику покинули 11 тысяч человек, в 2011-м – уже 30 тысяч, в 2012-м – 25 тысяч, в 2013-м – 23 тысячи.

Если отток населения будет продолжаться такими же темпами, то к 2030 году из Латвии уедет всё трудоспособное население.

Согласно онлайн-опросу 2012 года, проведенному среди пользователей латышской социальной сети draugiem.lv, большинство уехавших латышей назвали причиной своей эмиграции финансовые проблемы с выплатой ипотечных кредитов – закономерный итог формирования в Латвии экономики «кредитных пузырей», «лопнувшей» во время кризиса 2008 года (подробнее см. главу II). «Латвийский „пузырь“ на рынке недвижимости привел к тому, что большинство мигрантов – выходцы из рижской агломерации, а не из

сельских районов. На фоне низких процентных ставок и высоких зарплат в период экономического подъема многие жители столичного региона брали ипотечные и потребительские кредиты. Поэтому не вызывает удивления, что „кризисные“ мигранты в значительной степени представлены бывшими жителями рижской агломерации», – интерпретируют результаты исследования сотрудники Латвийского университета, Тартуского университета и Университета Отто Фридриха в Бамберге Д. Гелер, З. Кришьяне и М. Берзиньш⁶. Впрочем, из сельской местности в Латвии тоже эмигрируют: там не было кредитно-потребительского бума «жирных лет», но и работы также не было, нет и не предвидится.

Однако латвийские власти не обращают на проблему должного внимания. Для них изгнание за кордон населения оказалось своеобразной панацеей: в начале 90-х для устойчивости своего политического курса они говорили местным русским: «чемодан, вокзал, Россия», а в конце 2000-х стали решать экономические проблемы за счет выдворения из страны безработных.

По официальным данным, 60% эмигрантов – молодежь в возрасте до 35 лет. По неофициальным данным этот показатель составляет 75–80%. За границу уехало минимум 17% латвийской молодежи – это если принимать на веру прави-

⁶ Göler D., Krišjāne Z., Bērziņš M. International migration in the periods of transition and crisis: case of Latvia // http://journals.kantiana.ru/eng/baltic_region/1771/5052/

тельствственные данные. Больше того: около четверти эмигрантов составляют молодые люди от 15 до 24 лет.

Так же как и в Литве, наметилась тенденция эвакуации из Латвии с семьями.

Ни о каком временном отъезде на заработки в таком случае говорить не приходится – люди просто не хотят жить в своей стране. И их трудно за это осуждать: по «коэффициенту Джини» Латвия занимает первое место в Европе по степени имущественного расслоения населения, а по статистике «Eurostat» она же является антилидером ЕС по количеству населения, живущего за чертой бедности. По индексу человеческого развития ООН Латвия занимает последние места в Евросоюзе, наряду с Болгарией и Румынией. Неудивительно, что именно из этих стран идет самый массовый поток внутренней миграции в Западную и Северную Европу. Латвийской республике этот поток в перспективе ближайших десятилетий не оставляет никаких шансов.

Эстония

Для Эстонской республики эмиграция – не такая острая тема, как для Латвии и Литвы, однако и там потеря 130 тысячи человек уехавшими (а это 10% населения) – нешуточный вызов для 1,3-миллионного государства.

У эстонцев несколько иная география массовой миграции: более половины эмигрантов уезжают оттуда в соседнюю Финляндию. Финны и эстонцы – два родственных друг другу

народа финно-угорской группы: их языки соотносятся друг с другом примерно как русский с украинским, а развитие отношений друг с другом является приоритетом обеих стран, поэтому сложностей при трудоустройстве на новом месте у эстонских переселенцев обычно не возникает. При этом зарплаты в Финляндии в 5–6 раз больше, чем в Эстонии, а по уровню ВВП на душу населения Суоми занимает 18 место в мире, тогда как в Эстонии за чертой бедности находится 17,5% населения, а расходы на социальную сферу ещё недавно находились на последнем месте в Евросоюзе: 12% государственного бюджета против 27% в среднем по ЕС.

Поэтому неудивительно, что из Эстонии стремятся уехать в Финляндию, а также в традиционные для Прибалтики Великобританию и Норвегию. Так же как и в Латвии, первая большая волна эмиграции из Эстонии была связана с выдворением из страны русскоязычного населения: Эстонская республика в унисон с Латвийской вводила в начале 90-х годов институт негражданства, законы об иностранцах и основах языковой политики (подробнее см. главу V). Кроме того, из-за ликвидации советских армейских частей и жесткого давления эстонского общества и новой власти из страны в экстренном порядке выезжали военные и их семьи. Поэтому первый пик эмиграции из Эстонии был в 1992 году.

Совершенно другая ситуация возникла, когда открылись границы на запад. С момента вступления страны в Европейский союз – ежегодный прирост количества эмигрантов при

неизменно отрицательном сальдо миграции. Резкий рост количества уехавших, разумеется, связан с «эвакуацией» трудоспособного населения после кризиса 2008 года. Кризис ударил по Эстонии не так сильно, как по Латвии и Литве, но его результатом точно так же стала ускоренная эмиграция. Если в 2009-м уехало 4,6 тысяч, то в 2010-м – 5,4 тысячи, в 2011-м – 6,2 тысячи, в 2012 – почти 11 тысяч.

«До того, как появятся официальные цифры, предположу, что человеческие потери Эстонии за последние 20 лет сопоставимы с произошедшим у нас во время Второй мировой войны, – заявил в 2011 году накануне празднования юбилея провозглашения независимости Эстонии мэр Таллина Эдгар Сависаар. – Численность населения является мощнейшим индикатором, показывающим жизнеспособность региона. Для Эстонии в целом такой показатель в любом случае является негативным».

Данный показатель является негативным не только для Эстонии, но и для всей Прибалтики – для Латвии и Литвы даже на порядок больше, чем для Эстонии.

В Таллине в большом ходу шутки про эстонских врачей: в республике дефицит медицинских работников, потому что квалифицированные доктора в большинстве своем при первой же возможности уезжают работать в Финляндии. Это характерная черта – «утечка» образованных и востребованных специалистов из стран Балтии. Но местная эмиграция этим

определением не исчерпывается: уезжают не только «белые воротнички» – уезжают и бывшие работяги с закрывшихся заводов, и аграрии из «восстановленных» после «советской оккупации» хуторов, и гуманитарии, получившие диплом юриста Латвийского или Тартуского университета и отправляющиеся с ним разносить пиво в Глазго или Дублине. Прибалтийская эмиграция многолика: эмигрируют и мужчины, и женщины, и горожане, и селяне, и работники умственного труда, и работники физического, и представители титульных наций, и русскоязычное меньшинство, и семейные, и бессемейные, и люди среднего возраста, и молодежь.

Эмиграция стала социальной нормой литовского, латвийского и эстонского обществ, она определяет ритм жизни в балтийских республиках, а её многостороннее влияние стало неотъемлемой частью местного образа жизни.

Поэтому заведомо лицемерны слабые попытки прибалтийских политиков представить эмиграцию из их стран как временное явление, вызванное временными же трудностями. «Временное явление» длится все четверть века существования Литвы, Латвии и Эстонии, причем за последние несколько лет оно резко активизировалось. Но главное даже не в масштабах эмиграции. И не в том, что она то увеличивается, то уменьшается, но не останавливается.

Главное в том, что эмиграция из своих стран превратилась в жизненную стратегию молодежи Литвы, Латвии и Эстонии.

Какими бы впечатляющими ни были цифры реальной эмиграции из балтийских стран, но даже они отступают на второй план по сравнению с результатами опросов нового поколения жителей Литвы, Латвии и Эстонии о том, хотят ли они прожить свою жизнь в родных странах.

3. Чемоданные настроения: эмиграция как жизненная цель прибалтийской молодежи

Чем моложе возрастная группа опрашиваемых жителей балтийских республик, тем выше в ней процент эмигрантских настроений. Согласно исследованию социологической службы Baltijos tyrimai 2013 года, среди молодежи от 20 до 29 лет уехать из Литвы хотят 40% молодых людей – вдвое больше среднего показателя по населению. В самой юной возрастной группе (15–19 лет) своего будущего в Литовской республике не видит 56% респондентов.

Иными словами, абсолютное большинство вступающих во взрослую жизнь граждан Литвы со своей страной эту свою взрослую жизнь не связывают.

Слабым утешением для литовских патриотов будет то, что их молодежь в своем настроении «пора валить» не одинока – такое же настроение охватывает и другие балтийские страны. Согласно исследованию министерства культуры Эстонии от 2012 года, каждый второй житель Эстонии готов эмигрировать из страны, а каждый четвертый уже предпринимал для этого практические шаги. Группа – абсолютный лидер по подверженности эмигрантским настроениям была охарактеризована вице-спикером Рийгикогу Лайне Рандь-

ярв как «владеющая эстонским языком, но критически настроенная по отношению к эстонской государственности молодежь». Другими словами, новое поколение эстонских русских – таллинские школьники и студенты из русскоязычных семей, выучившие эстонский язык и интегрированные в эстонское общество, но прожить жизнь в этом обществе не желающие.

Однако стремление «валить» охватывает не только русскоязычную, но и этнически эстонскую молодежь. О том, как это выглядит на практике, в 2013 году написала в своей ставшей скандально знаменитой статье «Эстонская болезнь» корреспондент «Русского репортера» Ольга Андреева.

«В двух лучших гимназиях Таллина – русской и эстонской – я задавала детям одни и те же вопросы. Ответы чаще всего были разные, и только в одном случае они совпали.

– Вы относитесь к Эстонии как к своей родине?

– Ну, в общем, да, – раздаются неуверенные голоса русских школьников.

– Да, – четко отвечают ребята из школы эстонской.

– Вы задумывались о том, что будущее этой страны – это вы?

– Нет, – увереннее отвечают русские дети.

– Да, – твердо отвечают эстонцы.

– Кто собирается уехать из Эстонии после школы?

В русской школе в воздух вздымается лес рук. В эстонской школе в ответ повисает тяжелое молчание.

Оказывается, уезжают все.

– Вы вернетесь?

– Нет, – решительно отвечают в русской школе.

– Ну, в любом случае мы будем поддерживать отношения. У нас здесь родители, друзья. Будем помогать, звонить, ну, письма писать... – робко говорит девушка-выпускница из эстонской школы»⁷.

«Я много раз беседовала с молодыми людьми, так что имею представление, к чему они стремятся. Почему они хотят уехать? Да потому, что в Латвии они не видят для себя каких-либо перспектив. К сожалению... Ведь, как известно, от хорошей жизни не убегают, – говорит латвийский социолог Ирина Жемчугова. – Перспектив никаких: молодые люди в один голос говорили мне: ну хорошо, мы отучимся, окончим школу, институт, колледж – неважно, а что потом? Что нас ждет на рынке труда? И сами же отвечали: да ничего хорошего!»

В Латвии ситуация с «чемоданными настроениями» молодого поколения не менее драматична, чем в Литве и Эстонии. Согласно социологическому исследованию 2005 года агентства *Latvijas reitingi*, проводившемуся среди учеников старших классов, каждый второй школьник, независимо от национальности, – и латыш, и русский, – заявлял, что в будущем намерен уехать из Латвии. Согласно аналогичному

⁷ О. Андреева. Эстонская болезнь: почему постсоветские страны так сильно хотят умереть // <http://rusrep.ru/article/2013/01/30/estonia>

исследованию Центра Providus, проведенному в 2010 году, эмигрировать планировали 63% восьмиклассников из русских школ и 39% восьмиклассников из школ латышских.

Спустя несколько лет после этих резонансных исследований, в 2014 году, Центральное статистическое управление опубликовало официальные данные: 17% латвийской молодежи эмигрировали за границу в поисках работы – от жизни в Латвии отказался каждый шестой её молодой уроженец.

В этой истории сущность трагедии прибалтийских народов: абсолютное большинство молодых людей не только говорят, что не хотят жить в своей стране, – значительная часть из этих молодых людей не ограничивается намерениями, а в самом деле уезжает из страны по достижении совершеннолетия. Хотя данные опросов красноречивы и сами по себе, без корреляции со статистикой эмиграции. Социология намерений – важный индикатор психологического состояния в обществе. Если из Литвы, Латвии и Эстонии стремится уехать абсолютное большинство молодежи этих стран, если в старших классах там модно обсуждать, кто куда уедет по окончании школы, то можно себе представить уровень депрессии, социального пессимизма и массового разочарования в построенных государствах, которыми поражены прибалтийские общества.

Однако для того, чтобы массовые «чемоданные настроения» переросли в реальный массовый же отток населения,

социальная депрессия и разочарование должны носить хронический характер и вызываться не временными трудностями, а системными проблемами. Эмиграция – это тяжелый и трудный шаг. Между разговорами о том, как хорошо было бы «свалить» куда подальше, и реальной сменой страны проживания с отказом от родных мест, усвоенных с детства условий жизни и языка, при неизбежном вначале понижении социального статуса на новой родине и, порой до конца жизни, осознаваемой неполноценности по сравнению с коренным населением, должна быть большая трагедия. Поэтому если в Прибалтике имеет место даже не отток, а массовый исход населения, то большая трагедия там произошла в государственном масштабе. А если этот исход продолжается все годы независимости, то замедляясь, то ускоряясь, но не останавливаясь, то приходится делать вывод, что эта трагедия состоит в общей несостоятельности построенных в Прибалтике государств.

4. Прибалтостан: где и кем в Европе работают гастарбайтеры из Литвы, Латвии и Эстонии

Современная прибалтийская эмиграция существенно отличается по направлению от предыдущих волн эмиграции из региона. В первой половине прошлого века из Прибалтики эмигрировали остзейские немцы, несколько столетий бывшие доминирующей социальной группой на этих землях. Уезжали они, разумеется, в Германию. Коренные народы в тот же период эмигрировали в Соединенные Штаты, где образовались сыгравшие затем немалую роль при возобновлении государственности американские диаспоры литовцев, латышей и эстонцев. В 70-80-е годы в рамках провозглашенного подхода на воссоединение семей из Прибалтики за «железный занавес» уезжало еврейское население. В 90-е в Россию и другие страны СНГ эмигрировали русскоязычные, не принявшие новых националистических режимов и превращения себя в угнетаемое национальное меньшинство.

После вступления в Европейский союз главные направления эмиграции прибалтов – это Великобритания, Ирландия и Скандинавия. По данным Европейской миграционной сети, в пиковый для стран Балтии в плане оттока населения 2010 год, 50% литовских эмигрантов отправились на зара-

ботки в Великобританию, 15% – в Ирландию, 5,8% – в Норвегию, 4,6% – в Германию, 4,3% – в Испанию. В Латвии для эмигрантов в 2010 году странами назначения были Великобритания (35%), Норвегия (18%), Финляндия (15%), Германия (11%), Швеция (10%), Нидерланды (9%), Дания (9%). В случае Эстонии место Великобритании занимает Финляндия: как уже было сказано, около половины эстонских эмигрантов переезжают жить к северным соседям. Остальные направления миграции те же, что у Латвии с Литвой.

Британская газета «Daily Mail» привела ошеломляющую статистику восточноевропейской иммиграции в Великобританию. Согласно цифрам, 1,3% всех восточноевропейцев, проживающих на территории Европы, включая страны, откуда они родом, – в Великобритании.

Соотношение восточноевропейских мигрантов из Литвы, Латвии и Польши особо выделяется на фоне других стран восточной Европы: каждый тридцатый литовец, каждый тридцатый латыш и каждый шестидесятый поляк проживают в Великобритании⁸.

Данные относятся к переписи 2011 года, с тех пор поток иммигрантов из Восточной Европы не прекращался ни на минуту. По данным последней переписи, в Великобритании

⁸ <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2841686/The-truth-East-European-migration-One-30-Latvians-living-Britain-one-60-Poles-statistics-dont-latest-influx.html>; <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2841686/The-truth-East-European-migration-One-30-Latvians-living-Britain-one-60-Poles-statistics-don-t-latest-influx.html>

проживает 108 тыс. литовцев, что составляет 3,4% от всего населения Литвы. Шестьдесят одна тысяча проживающих латышей – 3,2% от 1,9 млн населения.

В понимании Западной и Северной Европы Литва, Латвия и Эстония являются типичными странами гастарбайтеров – таджиками и узбеками Евросоюза. Наиболее распространенная сфера применения прибалтийской рабочей силы – неквалифицированный или низкоквалифицированный физический труд.

По оценке службы занятости Европейского союза (EURES) в филиале Латвийской государственной службы занятости, обращающихся за консультациями по поводу работы за рубежом латвийцев больше всего интересуется работа в сельском хозяйстве, строительстве, гостиничном, ресторанном бизнесе, в транспортной сфере и в медицине. В реальности именно такая работа и достается гастарбайтерам из Латвии и Литвы: подсобные рабочие, рабочие на сезонных работах, укладчики, комплектовщики, обработчики, грузчики, горничные, кастелянши, посудомойки, санитарки, официантки. Хрестоматийный пример работы прибалта за границей, ставший предметом постоянных шуток у балтийских народов, – поездки «на клубнику» – работы на сборе клубники в английских теплицах.

Случаи занятия выходцами из Прибалтики более престижных, перспективных и высокооплачиваемых вакансий (менеджеры, специалисты узкого профиля, высококвалифи-

цированные рабочие) тоже не редкость, но всё-таки, как правило, удел гастарбайтеров из Литвы, Латвии и Эстонии – это низкоквалифицированный и низкооплачиваемый (по меркам страны пребывания) физический труд.

Европейские работодатели в большинстве своем очень ценят и охотно берут на работу гастарбайтеров из Прибалтики – последние на рынке дешевой рабочей силы ЕС славятся своей трудовой этикой, ответственностью, аккуратностью, дисциплинированностью, прилежностью, работоспособностью, бытовой культурой. Все эти черты свойственны национальным характерам литовцев, латышей и эстонцев, они формируются их культурами. В соответствии с классическими экономическими теориями, основывающимися на производительности труда, который в свою очередь зависит от трудовой этики и работоспособности населения, страны Балтии должны были бы быть сейчас лидерами экономического развития Евросоюза. Вместо этого их экономики, периферийные, отсталые и дотационные, поддерживаются на плаву за счет внешних заимствований и структурных фондов ЕС, а население демонстрирует свою работоспособность и трудовую этику не на родине, а в Лондоне, Дублине или Глазго.

Почему так происходит? Для объяснения прибалтийской ситуации подходит теория «мир-систем» выдающегося американского экономиста и социолога, одного из лидеров левой общественной мысли Иммануила Валлерстайна. В соот-

ветствии с его теорией, страны Балтии – это классическая периферия Европейского союза, понимаемого как система. Ядром этой системы являются страны «старой Европы», в своё время и образовавшие Евросоюз. Для успешного развития процветающего ядра необходимо наличие депрессивной и деградирующей периферии, и именно функцию периферии приняла на себя так называемая «новая Европа» – страны Центральной и Восточной Европы из бывшего соцлагеря, вступившие в 2004 году в Евросоюз и превратившиеся в рынки сбыта европейских товаров и рынки сырья для растущих экономик Западной и Северной Европы. Сырьем в данном случае выступает человеческий труд.

По этой причине вся восточноевропейская иммиграция (болгарская, румынская, польская, прибалтийская) носит трудовой характер.

Этим она резко отличается от внешней иммиграции в Евросоюз с юга: многие турки, арабы, африканцы выбирают себе новой родиной Европу, чтобы безбедно жить там на пособиях по безработице и иных социальных выплатах, щедро предоставляемых им сердобольными европейскими левыми. К тому же их культура зачастую имеет мало что общего с прибалтийской трудовой этикой, необходимой для европейского рынка низкоквалифицированного труда.

Однако, даже несмотря на заинтересованность своих экономик в гастарбайтерах из Восточной Европы, европейские политики время от времени поднимают вопрос об ограни-

чении трудовой миграции внутри ЕС, призывая стимулировать к трудовой деятельности деградирующих на пособиях по безработице сограждан, а не отдавать их трудовые места полякам или литовцам. «Посетите фабрики нашей страны, на которых более половины рабочих – это иммигранты из Польши, Литвы и Латвии. Вы не можете винить их. Они хотят работать. Они видят, что работа есть, приезжают и занимают эти рабочие места», – заявлял в 2013 году премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, призывая ужесточить трудовое законодательство, дабы уменьшить поток иммигрантов из Восточной Европы.

В 2014 году Кэмерон и британские консерваторы заявили о намерении провести референдум о выходе Соединенного королевства из Евросоюза, ориентировочно в 2017–2018 годах – одним из следствий этого выхода будет неизбежное ужесточение правил въезда на туманный Альбион из континентальной Европы, что чревато в первую очередь для Латвии и Литвы, правительства которых привыкли использовать эмиграцию населения как панацею от всех их экономических и социальных проблем. А тут даже простого ужесточения британскими правыми миграционного и трудового законодательства будет достаточно, чтобы вызвать кризис экономической политики стран Балтии, в основе которой – «выпуск пара» социально-экономической напряженности за счет открытых европейских границ.

Пока же, по результатам переписи 2011 года, в Велико-

британии живет около 100 тысяч литовцев (вторая по численности эмигрантская община страны среди европейских, после поляков), 32 тысячи латышей и 3,4 тысячи эстонцев (половина из них живет в Лондоне). При этом перепись указала, что в Великобритании проживает 67 тысяч русских (то есть назвавших русских язык родным) – с учетом того, что часть русских приехали на Туманный Альбион из Литвы, Латвии и Эстонии, реальная цифра прибалтийских гастарбайтеров в Соединенном Королевстве ещё выше.

По данным аналогичной переписи населения того же года оказалось, что в Ирландии живет 44 тысячи литовцев и 20 тысяч латышей. За прошедшее после проведения переписи время эмигрантов из Прибалтики, разумеется, стало ещё больше. Наконец, в Финляндии по состоянию на 2013 год проживали 40 тысяч эстонцев.

Великобритания и Ирландия – две страны, в которых уже состоялось формирование новейших прибалтийских диаспор. Этот же процесс сейчас происходит в Норвегии и Германии. Литовцы, например, компактно проживают в восточных районах Лондона и в примыкающих к английской столице графствах Восточной Англии.

В этих районах уже появились магазины литовских товаров, а английские пабы были переделаны под пивные с литовской и латышской музыкой. Центром литовского сообщества в Великобритании стал Центр досуга Сиднея Рассела в Дэгенхэме. В Великобрита-

нии уже появилась литовская баскетбольная лига: национальный спорт – это один из путей сплочения литовских соотечественников на новой родине.

«В целом прошли те времена, когда человек приезжал в Ирландию, что называется, на пустое место, бездельничал „с недельку – с месяцок“, обростал новыми знакомствами – и преспокойно устраивался на работу, а то и не на одну, да ещё и выбирал, какая ему больше по вкусу, – описывает роль образовавшейся прибалтийской диаспоры журналистка из Латвии Карина Кошелева, сама в своё время эмигрировавшая на „зеленый остров“. – Люди не едут сюда наобум, на голое место – почти у каждого из новых переселенцев в Ирландии уже есть друзья и родственники, которые посодействуют с трудоустройством... конечно, все продолжают между собой довольно тесно общаться. В основном, как я уже говорила, это выражается в том, что соотечественникам помогают в поиске местной работы. Но и за любой услугой – от автосервиса до маникюра – по-прежнему предпочитают обращаться к „своим“ (или, на худой конец, к полякам). Парикмахер, дантист, флорист, кондитер, даже торговец мясом – они все обеспечены „земляческой“ клиентурой. Во-первых, клиенту не нужно преодолевать языковой барьер, во-вторых, наша ментальность такова, что ко всему местному мы относимся крайне скептически. Пусть родная страна упала „ниже плинтуса“, для нас и трава там зеленее, и молоко белее, и всё там делают умнее и лучше, чем в Ирландии. При том что на са-

мом деле назад на родину нас уже калачом не заманишь...»⁹.

Язык межнационального общения в прибалтийских диаспорах, что характерно, русский. Литовцы, латыши и русскоязычные на новой родине проявляют друг к другу солидарность и взаимовыручку – качества, которые были вовсе не свойственны им на покинутом балтийском берегу, где десятилетиями продолжаются вялотекущие межэтнические дразги. Возможно, потому, что в Великобритании и Ирландии нет правящих политиков – националистов, от результатов правления которых и бежали все эти люди. В отдельных случаях русский язык может стать важным карьерным подспорьем для устройства прибалта на хорошую работу в Лондоне, который за последнее десятилетие облюбовали богатые россияне (или не очень хорошую в плане перспектив, но всё-таки более высокооплачиваемую: официанткой, обслуживающей русскоязычных посетителей, например).

Но всё-таки главное подспорье – это английский язык (а если речь не о Великобритании, то ещё и государственный язык страны пребывания).

Для своих детей мигранты стараются сделать местные языки родными. При том что государственные программы по интеграции поляков, прибалтов или болгар в британское, ирландское или норвежское общество не распространены, ассимиляция восточных европейцев происходит естествен-

⁹ «Переселившаяся в Ирландию молодежь потеряна для Латвии и Литвы!»: интервью с эмигрантом // <http://regnum.ru/news/1532701.html>

ным путем: эмигранты сами стремятся отказаться от первоначальной идентичности и раствориться в местных обществах, став их органической частью. И добиваются в этом значительных результатов.

5. Истории эмигрантов: как «англотаджики» начинают всё с нуля

В 2012 году британская The Guardian рассказала о банде, поставлявшей британским фермерам литовских рабов¹⁰. В Литве члены банды вербовали мужчин и женщин для прибыльной работы в Англии. Им обещали по 350 фунтов стерлингов в месяц за несложную сельскохозяйственную работу. После переезда в Англию литовцы оказывались в зависимости от своих нанимателей, которые находили для них подряды на крупных фермах. Литовцы работали по 17 часов в сутки, зачастую по ночам. Их постоянно перевозили с места на место, жили они в бараках и спали на матрасах с клопами и тараканами. Иногда им платили мало, а иногда не платили вообще ничего. «Охранники» избивали рабочих и требовали от них деньги. Переломы ребер и синяки были нормой, утверждают пожилые жители Литвы, которые смогли сбежать от своих «хозяев».

«Мы были одной из многих компаний, которая использовала литовских рабочих. Сейчас мы прекратили контакты с организацией, которая их нанимала. Мы не собираемся ничего комментировать до завершения расследования», —

¹⁰ <http://www.theguardian.com/law/2012/oct/29/workers-chickens-allegedly-trafficked-beaten>

прокомментировали разразившийся скандал представители компании – поставщика сельскохозяйственной продукции Noble Food, использовавшей гастарбайтеров из Прибалтики. Рабский труд литовцев использовался на фермах, которые производят продукцию для супермаркетов Tesco и ресторанов McDonalds – их представители от комментариев также отказались. Скандальная английская карикатура того времени: голые человечки расфасованы по несколько штук вприщип друг к другу, подпись – «10 литовцев по цене одного».

Этот случай, разумеется, из ряда вон выходящей, однако и он иллюстрирует беспощадное отношение к прибалтийским мигрантам на рынках тяжелого физического труда «старой Европы».

В 2013 году эффект разорвавшейся бомбы произвела публикация воспоминаний вернувшегося в Латвию эмигранта Алексея Лукьяненко, с честностью и прямоотой итальянского неореализма описавшего обычный трудовой путь латвийского гастарбайтера в Великобритании¹¹. Пережив банкротство своего бизнеса во время кризиса 2008 года, Лукьяненко поехал работать в Шотландию на рыбоконсервном заводе.

«Холодильник. Ставка без контракта 6,05 фунтов в час, до налога. С контрактом 6,55. Это самая тяжелая работа на заводе. Погрузка и отправка готовой продукции. Туда идут наши, которым некуда деваться».

¹¹ Алексей Лукьяненко. То, что вы не хотели знать об Англии. Часть 1 // <http://www.freecity.lv/bestseller/55/>

«Если ты заболел или травмировался, это твои проблемы. Литовец как-то сорвал спину, и врач сказал ему, что две недели надо лежать дома. Когда он сказал это на работе, его уволили, чтобы не оплачивать больничный, а после того, как поправился, взяли обратно. Из-за прерванного стажа он потерял все годовые бонусы».

«Светкиной дочке надо было делать операцию на глазах. У нее было врожденное косоглазие. На острове такие операции не делали, поэтому надо было лететь на материк. Государство оплатило всё. Самолет туда и обратно, такси до больницы и саму операцию. Ребенок лежал в палате с регулируемой кроватью, огромным телевизором, компьютером, интернетом, игрушками, книжками, фруктами и йогуртами. Дочку кормили просто до отвала, а мама жила в специальной гостинице для родителей при больнице, и там тоже всё было бесплатно».

«По сравнению с другими регионами, у нас здесь очень мало прибалтов. В основном поляки, ну и немножко других. А в Бостоне он увидел целое литовское поселение. Первое, что его удивило, это количество крепких лысых ребят в спортивных костюмах, с золотыми цепями на шеях, разъезжающих по району на „БМВ“. По его словам, его не оставляло ощущение, что он вернулся домой в Литву, где идешь по улице и у тебя в любой момент могут отобрать деньги и мобильный телефон».

«На острове были бесплатные курсы английского

языка. Государственная программа в колледже. Но это только в Шотландии. В Англии эти же курсы стоят 770 фунтов».

«Бывшая девчонка литовца, которая работала в гостинице, рассказала, что начальница-англичанка жаловалась, что из-за прибалтов и поляков её сын после окончания школы не может найти работу уже 7 лет. Наши люди, ответила ей литовка, приезжают и находят работу в течение недели».

«Сестра моей подруги, у которой мы жили, как-то раз, во время очередной ругани со своим парнем, сказала:

– Знала бы, чем всё кончится, никогда бы не села в твою новую „БМВ“ в Риге. „Подвез“ меня, гад, до рыбного завода на острове.

По-моему, они до сих пор выплачивают кредит за эту машину. Хотя её давно забрал банк».

Картину эмигрантской жизни прекрасно дополняют комментарии к тексту Алексея Лукьяненко, размещенные на сайте freecity.lv:

Vit 08.04.2014

Прочитал, написано хорошо и правдиво, но так живет только 50% приезжающих людей. Я тут уже 5 лет (живу в Эдинбурге), и плохо было, наверно, год или два, а дальше просто надо выбиваться в люди, и всё будет хорошо. Проблема в том, что без знания языка здесь действительно де-

лать нечего. Учите английский, и будет вам счастье!

Макс 01.02.2014

Тоже начинал с подобного! Только я как приехал 8 лет назад в Бостон, так тут и живу! Лет 5 по фабрикам, затем на полях капусту резали! А потом надоело, и полез в инет объявления искать по профессии (сварщик)! Нашел работу, уже второй год работаю! Еду на работу как на праздник!;) Уже семья, ребенок, сваливать не собираюсь! И вам удачи!

Mick 01.12.2013

Я не буду отрицать написанного автором, так как многое описанное им – правда. Но увы – очень однобоко. Автор сталкивался по жизни в основном с низами общества и занимался не особо квалифицированной работой. Из-за этого практически сплошной негатив. Сам я приехал в Англию в 2006-м, начал с таких же условий, как автор, был безработным и т. п. Но немного везения и желание дали возможность чего-то достигнуть. В этой стране эмигранту, если он не квалифицированный специалист, – ловить, в принципе, нечего, это главное, что должны понять потенциальные «искатели счастья».

Sunya 21.08.2013

Верю всему, что здесь написано. Я когда приехала, тоже никому нужна не была. Мне пришлось работать без оформления, нелегально и за маленькие деньги, при том что я в

совершенстве владею английским и у меня было их образование. После этого я смогла устроиться в другое место, где платили чуть побольше, и уже спустя 5 лет я устроилась на канал «Дискавери», где у меня была достойная легальная интересная работа с достойной оплатой.

Так что не всё в жизни прибалтийских эмигрантов – сплошной фильм ужасов: в их среде действует «железная» установка на то, что после первых тяжелых лет унижений, невыносимых жилищных условий и адского труда социализация, хорошая работа и материальный достаток придут как результат.

Пишет профессор Балтийской международной академии (Рига), главный редактор и издатель делового журнала «The Baltic course» Ольга Павук: «В ожидании посадки в Рижском аэропорту разговорилась с попутчиком, который коротко рассказал свою историю. Три года назад 25-летний парень уехал из Риги в Англию на заработки по совету друзей, уже работавших на фабрике по расфасовке куриного мяса. До этого он работал в Риге у отца жены на малом предприятии по металлообработке. В кризис тесть разорился и вынужден был уехать в Россию к своим партнерам, но уже в качестве наемного работника. В Англию парень уехал один, но через три месяца туда же перебралась жена с маленькой дочкой. Поначалу они вместе работали на этой куриной фабрике, работа там оказалось для обоих шоком, особенно для же-

ны. Молодые люди просто не знали, что такое производство со строгим распорядком, а мясоперерабатывающее – тем более. Но через два года парень стал бригадиром, а жена родила второго младенца... И, несмотря на очень скромный достаток, семья возвращаться в Латвию не собирается»¹².

Этот единодушный вывод прибалтийских эмигрантов: несмотря на все тяготы жизни, бороться и налаживать жизнь там, а домой ни в коем случае не возвращаться, – наносит ещё один жестокий удар по самолюбию балтийских республик. Им готовы предпочесть низкий достаток и самую черную и неблагодарную работу, лишь бы не возвращаться на постылую родину. Все программы по реэмиграции населения в таком случае носят отчетливый привкус самообмана.

¹² http://www.rubaltic.ru/blogpost/i_ne_znayu_kto_pervyy_nevozvrashchenets/

6. Реэмиграция: удастся ли странам Балтии вернуть своих людей назад?

После того как масштабы эмиграции в 2009–2011 годах приняли характер национального бедствия, правительства балтийских республик больше не могли игнорировать этот вопрос. В свойственной местной политике стилистике по проблеме исхода населения из Прибалтики было сформулировано две мантры, повторяющиеся до сих пор прибалтийскими деятелями не допускающим возражений голосом. Первая: «наши люди» и за рубежом остаются литовцами/латышами/эстонцами, бережно сохраняя свои национальные корни. Вторая (и главная): когда трудные времена на родине закончатся, все эти люди вернутся обратно.

Что касается первой мантры, то она будет подробно рассмотрена в главе 10 «Вымирающие виды». Вторая же мантра легко опровергается как количественными, так и качественными методами.

Во-первых, достаточно сравнить данные государственных статистических служб, чтобы увидеть, что из Литвы и Латвии жить на запад улетают десятками тысяч в год, а из Великобритании и Ирландии на постоянное место жительства в Прибалтику возвращаются единицы.

Фиксируется тенденция, что эмигранты не только не воз-

вращается, но после обустройства в новой стране вывозят к себе детей, а в последние годы уже и родителей. Европейские миграционные службы фиксируют практику вторичной эмиграции, когда выходец из Прибалтики, которому не удалось достойно устроиться, допустим, в Германии, переезжает покорять ещё одну новую родину: Норвегию, Ирландию и т. д. Однако даже такая практика встречается чаще, чем возвращение в родную Латвию или Литву. «В Литве экономика растёт, но это не означает, что растут зарплаты. Думаю, что ситуация на рынке труда станет улучшаться ещё через пару лет. Хотя сейчас доходы растут, но владельцы предприятий хотят восстановиться после кризиса, и пока нет никаких признаков, что зарплаты скоро начнут расти», – поясняет ситуацию литовский экономист и социолог Ромас Лазутка.

Интересный опрос среди литовских эмигрантов провел в 2011 году Институт гражданского общества Литвы. На вопрос, собираются ли они вернуться в Литву, 31% эмигрантов неопределенно ответили: «может, вернусь, но не знаю когда». 16% более категорично заявили: «скорее всего, не вернусь». 11% опрошенных вернутся только тогда, когда «сделают карьеру» или «заработают достаточно денег для дальнейшей жизни». 3% намерены вернуться в Литву после того, как «дождутся пенсии». 1% эмигрантов уверены в том, что никогда не вернутся на родину.

Таким образом, примерно 60% эмигрантов из Литвы не собираются возвращаться домой, по крайней

мере в ближайшем будущем.

При этом 6% респондентов собираются вернуться только спустя 5-10 лет, 4% – спустя 3–4 года, и лишь 8% – через год-два. Аналогичный опрос был проведен Министерством культуры Латвии среди эмигрантов-латышей в 2012 году. В результате выяснилось, что вернуться планируют лишь 35% опрошенных.

«Всем тем, кто говорит о возможности кого-то откуда-то вернуть, я хочу сказать: „Забудьте“. Реэмиграции не будет. На самом деле она и не нужна, поскольку Литва, наверное, никогда не будет такой богатой и доброжелательной, как Великобритания», – пишет литовский журналист Артурас Рачас.

«Здесь куда более мягкие нравы, люди куда вежливей в повседневной жизни – не то что на родине, где из-за тяжелых жизненных условий хамство стало повседневной данностью. Вроде мелочь на первый взгляд, а на самом деле тоже важно... Опять же, когда речь заходит о политических событиях в Прибалтике, то подобные разговоры, как правило, окрашены сплошным негативом – при известиях о том, что творят там политики, просто волосы дыбом становятся! Многие расценивают как большое счастье уже сам факт того, что вырвались из-под власти таких вот горе-правителей, доведших свои государства до полного обнищания и вынудивших народ массово валить за бугор. Это касается не только русскоязычных, но и латышей с литовцами – люди не хотят

менять своё нынешнее благоустроенное общество на неблагоустроенное», – рассказывает из Ирландии бывшая латвийская журналистка Карина Кошелева.

Характерное обращение к представителям литовской общины Великобритании в апреле 2014 года сделала президент Литвы Даля Грибаускайте, в рамках кампании по своему переизбранию отправившаяся уговаривать гастарбайтеров вернуться назад в Литву. Грибаускайте попросила соотечественников участвовать в публичной дипломатии Литовской республики, улучшая имидж Литвы, вместо того чтобы дискредитировать её, рассказывая англичанам об ужасающем положении дел в своей бывшей стране. Спрашивается, куда будут возвращаться эти люди, если родную страну литовская диаспора поминает такими недобрыми словами, что на это вынуждено было отреагировать литовское руководство?

Поэтому опустение прибалтийских земель и отказ сотен тысяч их жителей от своих родин – явление в высшей степени справедливое.

Прибалтийские государства создали своим гражданам невыносимые условия жизни, а затем превратили бегство населения в панацею от всех социально-экономических трудностей; почему же они теперь вправе рассчитывать на возвращение эмигрантов, которых сами же своей политикой вытолкали за дверь?

Да и хотят ли местные политики на самом деле, чтобы

заветная реэмиграция состоялась? В 2013 году правительство Латвии одобрило Программу реэмиграции на 2013–2016 годы. На возвращение соотечественников команда премьера Домбровскиса постановила выделить 2,4 миллиона латов (около 3 миллионов евро), которые планировалось потратить на информирование живущих за рубежом граждан о вакансиях в Латвии, программу по привлечению на латвийские предприятия квалифицированного персонала, расширение сотрудничества с диаспорами и помощь в изучении латышского языка супругам и детям эмигрантов. Учитывая масштабы национальной эмиграции, такой «грандиозный» план правительства по восстановлению былой численности населения не мог вызвать в латвийском обществе ничего, кроме гомерического хохота.

С другой стороны, а зачем прибалтийским правительствам реально стараться вернуть эмигрантов на родину? Что они там будут делать? Где они будут работать, если производство в Прибалтике изведено под корень, работы нет, из-за чего все эти люди, собственно, и уехали? Литва, Латвия и Эстония избежали южноевропейских процентов безработицы, выдавив своё безработное население в заинтересованные в нем Великобританию, Ирландию, Скандинавию. За годы отсутствия этого населения новой работы в Прибалтике особо не появилось, поэтому уехавшим просто бессмысленно возвращаться. Да они и не собираются этого делать.

Глава II

«Балтийские тигры»: как уничтожить производство и создать экономику «мыльных пузырей»

*Была Прибалтика – стала Прое...алтика.
Прибалтийская поговорка*

Экономическая история Литвы, Латвии и Эстонии после провозглашения независимости – это история стрекозы из басни Крылова. Их путь к новой жизни начинался с «поющих революций», а после 1991 года прибалты устремились в постиндустриальную эпоху, с легкостью пренебрегая сельским хозяйством, сознательно разрушая промышленность и обрывая все связи с бывшим единым экономическим пространством на «проклятом» Востоке ради интеграции в единое экономическое пространство на светлом Западе. В XX веке Прибалтика была регионом-производителем, в XXI веке она стала регионом-потребителем. Когда грянул мировой кризис 2008 года (а по странам Балтии он ударил сильнее всего), постепенно пришло понимание, что это не просто схлопывание «кредитного пузыря», а издыхание «бал-

тийских тигров». Потенциал экономического роста, данный радикальными рыночными реформами в 90-е годы, почти исчерпан, реальный сектор разрушался с тех же 90-х годов и восстановиться уже не может, потому что в составе ЕС Прибалтика стала рынком сбыта и рынком дешевой рабочей силы. А экономики знаний постиндустриальной эпохи там быть построено тем более не может, потому что смертность стабильно превышает рождаемость и население массово эмигрирует на запад.

1. Динозавры Прибалтики: скелеты промышленных предприятий Литвы, Латвии и Эстонии

Когда едешь по территории балтийских государств, взгляд время от времени натывается на них. Большие бетонные коробки, полуразвалившиеся здания с забитыми окнами, ржавая арматура. Это артефакты иной эпохи – эпохи, когда Прибалтика была индустриально развитым регионом. Имеется в виду не только советская Прибалтика, на что неизменно указывают местные политики, промышленность уничтожившие и оправдывающиеся теперь, что это было не нужное их странам и экономически нерентабельное «наследие оккупации». Прекратили своё существование фабрики и заводы, созданные при Первых республиках, на которые современные Литва, Латвия и Эстония смотрят как на эталон. Закрылись предприятия, основанные во времена капиталистического бума в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века).

В странах Балтии реально наступила постиндустриальная эра, только проявилась она в форме техноапокалипсиса, когда большинство промышленных предприятий закрылись, новые рабочие места не появились. Как результат – население либо перебивается

временными заработками и пьет, либо эмигрирует.

Предприятия, уничтоженные в Прибалтике за последние два десятилетия, – это тема, по которой можно было бы написать отдельную книгу. Таких предприятий насчитываются сотни: советские и досоветские, тяжелой и легкой промышленности, энергетические, пищевые, логистические... Среди них были и маленькие локальные предприятия, обслуживавшие нужды окрестного населения, – какой-нибудь сахарный завод в Екабпилсе (Латвия) или лесопилка под Паневежисом (Литва). Были средние производства, поставлявшие продукцию в другие союзные республики: судостроительный завод в Лиепаве (Латвия), машиностроительный завод в Пярнумаа (Эстония). Были и всесоюзные бренды, и бюджетобразующие предприятия-гиганты.

Мажейкяйский НПЗ – единственный нефтеперерабатывающий завод в странах Балтии и крупнейшее промышленное предприятие Литвы, построенное советским правительством как часть инфраструктуры по переработке и транспортировке сибирской нефти: все годы независимости продавался то американцам, то полякам, находясь в состоянии перманентного полубанкротства, в котором пребывает и на момент написания данной книги (подробнее см. главу VII). РАФ – Рижская автобусная фабрика, поставлявшая знаменитые «рафики», бегавшие по всей стране. Завод полупроводников «Альфа», километры территории которого в центре Риги сейчас заросли бурьяном и зияют выбитыми стек-

лами¹³. Завод радиоэлектротехники «Эльма» и производитель микросхем «Вента» в Вильнюсе, таллинский «Двигатель» – одно из крупнейших промышленных предприятий Эстонской ССР, основанное ещё при Николае II.

Всё это индустриальное наследие, доставшееся странам Балтии в 90-е годы, прошло общий путь: приватизация – раздробление – банкротство. Эти заводы и фабрики давали возможность нормально жить сотням тысяч людей: рабочим, служащим и их семьям. Сейчас эти люди зачастую трудятся на аналогичных фабриках и заводах в Стокгольме, Бирмингеме или Глазго.

Вот выбранные в произвольном порядке индустриальные объекты Литвы, Латвии и Эстонии, некогда бывшие брендами и «локомотивами» прибалтийских республик, но более не существующие.

ВЭФ, Латвия

(1919–1999)

RIP

Valsts Elektrotehniskā Fabrika, Рижский государственный электротехнический завод «ВЭФ». Был крупнейшим электротехническим предприятием Латвии, ведущим производителем АТС, телефонов, телефонных коммутаторов, радиостанций, радиоприемников. Первые заводские корпуса

¹³ Зброшенны завод в Риге // <http://www.youtube.com/watch?v=jJE84352NiM>

были построены ещё в конце XIX века, само предприятие основала первая Латвийская республика, на первом году своего существования издав приказ об организации механической мастерской по ремонту телефонных и телеграфных аппаратов, линейного оборудования и почтового инвентаря. Через несколько лет ВЭФ уже выпускал спортивные самолеты, военные истребители VEF Irbitis-16, самые маленькие в мире «шпионские» фотоаппараты Mixon, экспортировал знаменитые радиоприемники VEF в Швейцарию, Норвегию, Великобританию и другие европейские страны.

После многострадальной для Латвии Второй мировой войны и победы советского строя ВЭФ продолжал развиваться в условиях социализма и плана. К моменту провозглашения Латвией независимости на заводе работали 20 тысяч человек, производившие десятки видов электротехнической продукции. По состоянию на 1991 год ВЭФ в Советском Союзе носил звание легендарного, а выпускаемый им радиоприемник «Спидола» превратился в один из символов советской жизни. На базе ВЭФа создавались дочерние предприятия: Рижский электроламповый завод, завод «Коммутатор», специально для работы на ВЭФе готовили кадры средние профессиональные и высшие технические учебные заведения Латвийской ССР.

После провозглашения независимости и открытия торговых границ латвийская электронная промышленность не смогла выдержать конкуренцию с иностранными фирмами,

из-за разрыва хозяйственных связей с республиками бывшего СССР сорвался производственный цикл, из-за принуждения технических вузов к преподаванию на латышском языке (на котором техническое образование дать практически невозможно) прервался процесс обучения и повышения квалификации кадров... В итоге в 1999 году ВЭФ был приватизирован и разделен на шесть фирм, прекративших затем своё существование.

Сейчас помещения завода частично заброшены, частично сдаются под офисы.

Печальная история ВЭФа полностью разбивает мифологию латвийских правительств. Их политика уничтожила не советский «долгострой», а высокотехнологичное инновационное предприятие, которое выдерживало конкуренцию и поставляло свою продукцию на европейские рынки при первой независимости, а при второй не просуществовало и восьми лет. История предприятия свидетельствует, что при межвоенном диктаторе Улманисе латвийское государство предпринимало протекционистские меры, поддерживающие завод. А советская власть сумела сохранить инновационный потенциал предприятия в условиях командно-административной системы. Постсоветские же руководители Латвии просто развалили ВЭФ. Завод, который развивался как латвийский Siemens или Phillips, превратился в неухоженный памятник самому себе. Что же до того, что продукция ВЭФа ко времени коллапса социалистической экономики крайне

отстала от западных аналогов, то и Siemens начинался не с 3D-телевизоров, и многие социалистические предприятия бывших ГДР и Чехословакии почему-то не были разобраны на металлолом и под офисы, а успешно прошли технологическую модернизацию.

Кренгольмская мануфактура, Эстония

(1857–2010)

RIP

Была расположена на острове и вдоль берега реки Нарвы, близ портового города Нарва-Йыэсуу, куда доставлялся хлопок из южных штатов США. Это выдающийся памятник первого российского капитализма, когда промышленная революция в Российской империи начиналась с текстильной промышленности. В 1872 году на мануфактуре произошла первая в Российской империи забастовка рабочих – Кренгольмская стачка. Перед Первой мировой там работали 10 тысяч человек. После революции мануфактура обанкротилась и закрылась из-за утраты Эстонской республикой рынка сбыта в России. Была возрождена в советской Эстонии, превратившись в крупное промышленное предприятие. В советский период Кренгольмская мануфактура занимала более 30 гектаров земли, на ней работали 12 тысяч человек. Продукция предприятия пользовалась огромным спросом в Советском Союзе: понятие «эстонский трикотаж», под которым понимались кренгольмские ткани, было одним из символов ка-

чества прибалтийской легкой промышленности. В поздний советский период, когда партия и правительство заявляли о приоритете товаров народного потребления, Кренгольмская мануфактура неоднократно ставилась в пример в числе передовиков социалистического производства.

В 1994 году знаменитое предприятие было приватизировано – его приобрела шведская компания и разделила на несколько предприятий, которые в течение следующих 16 лет закрылись одно за другим. В 2010 году мануфактура была признана банкротом окончательно. **Сейчас её огромная территория в нижнем течении Нарвы пустует – тянущиеся и тянущиеся безжизненные заводские цеха, склады сырья, склады готовой продукции, рабочие общежития вызывают ассоциации с фильмом «Сталкер» Андрея Тарковского.** Впечатление они производят поистине жуткое.

В отношении Кренгольмской мануфактуры не скажешь, что из-за социализма она технологически отстала от западных аналогов: трикотаж – не радиоаппаратура, здесь, наоборот, будут ценить приверженность традициям. К тому же, если качество ткани веками сохранялось на высшем уровне, а потребители подвержены ностальгическим настроениям, то после модернизации и оптимизации производства едва ли могли быть проблемы со сбытом эстонского трикотажа. Тем не менее в независимой Эстонии предприятие разорилось при всех стартовых условиях для успешного развития,

и произошло это в правление боготворимой праволиберальными публицистами Партии реформ.

Игналинская АЭС, Литва

(1983–1999)

RIP

Крупнейшее энергетическое предприятие Прибалтики, единственная в регионе атомная электростанция, обеспечивавшая электроэнергией не только три прибалтийские республики, но и смежные с ними области России и Белоруссии. Для литовской АЭС ударными темпами был построен город Снечкус (после прихода к власти команды Витаутаса Ландсбергиса переименованный в Висагинас). Создание города и электростанции стало одной из последних «великих строек социализма» – проектом всесоюзного значения, на который были брошены все силы, включая армию. В Каунасском технологическом техникуме было организовано обучение специалистов-энергетиков атомных станций, в качестве научно-исследовательского учреждения по проблемам атомной энергетики действовал Литовский энергетический институт.

Одного энергоблока Игналинской АЭС Литовской республике хватало для обеспечения себя энергией, а за счет эксплуатации второго и последующих энергоблоков республика могла бы безбедно существовать благодаря экспорту электроэнергии. Кроме того, в геополитическом плане наличие собственной атомной электростанции автоматически

превращало Литву в лидера региона, на порядок повышало её геостратегическую значимость: специализированные кадры и научно-исследовательская база в области атомной энергетики делали республику важным участником международных отношений, к которому приходилось относиться серьезно и принимать в расчет.

Поэтому ликвидация Игналинской АЭС как «наследия оккупации» – это величайший и ничем ещё не превзойденный пример неумения и группового помешательства политического класса Литвы.

Конечно, «наследие оккупации» – это пропагандистский прием литовских правых (консерваторов), призванный оправдать закрытие станции в глазах своего электората. На самом деле закрыть электростанцию литовское руководство вынудил Европейский Союз. Ликвидация Игналинской АЭС была обязательным условием принятия Литвы в ЕС. Официальное объяснение – страх перед повторением Чернобыльской катастрофы: на Игналине был установлен тот же тип реактора, что вышел из строя в Чернобыле. Но это объяснение опровергается тем, что в 1995 году АЭС с таким же реактором была запущена в эксплуатацию в Финляндии (уже входившей в ЕС), и никаких нареканий от Брюсселя не последовало. А также тем, что после Чернобыля и стартовавшего за ним экологического движения в прибалтийских республиках, а за ним и «Саюдиса» (который, разумеется, ставил перед Москвой вопрос о безопасности электростанции),

Игналинскую АЭС проверяли так тщательно и педантично, что она, вероятно, была самой безопасной АЭС Советского Союза.

Поэтому мнения о подлинных причинах закрытия АЭС высказываются разные: от нерационального группового мышления брюссельской бюрократии до осознанного стремления лишить Литовскую республику фундамента для подлинной самостоятельности, сделав её полностью управляемой Брюсселем.

В любом случае возникает вопрос: почему литовские власти «сдали» АЭС?

Если в противном случае Литву не взяли бы в Евросоюз, так и не надо было туда вступать, раз евроинтеграция требовала от страны лишения важнейшего стратегического ресурса для поддержания экономики и обеспечения влияния в международной политике.

Однако литовскими элитами руководило иррациональное желание вступить в ЕС во что бы то ни стало, чтобы были формальные основания считать себя «настоящими европейцами». Поэтому первый энергоблок отключили уже через полгода после присоединения к «европейской семье», второй блок – через пять лет, в 2009 году. Уничтожение Литвой своей собственной энергетики произошло в условиях крайне болезненно ударившего по стране мирового кризиса под успокаивающие заклинания правительства консерваторов об атомной безопасности и энергетической независимости от

России (как не парадоксально, но этой причиной в том числе в правительстве Андриуса Кубилиуса объясняли ликвидацию АЭС; в результате борьбы за энергетическую независимость именно «Газпром» стал в Литве энергетическим монополистом). Вслед за тем началась эпопея по строительству на базе старой советской новой европейской АЭС: экологически чистой, современной и безопасной. Этот проект до сих не выполнен и не может быть выполнен в принципе – подробнее см. п. 7 «Великие стройки независимости: Висагинская АЭС». Но литовские консерваторы его до сих лоббируют. Впрочем, у них есть и другой вариант, как возместить ущерб от закрытия Игналины: средства, потраченные на остановку работы АЭС, вписаны в общий счет, предъявляемый Литвой России как правопреемнице СССР для возмещения «материального ущерба от оккупации» (подробнее о «железной» логике литовских элит см. главу III).

2. Деиндустриализация. Почему прибалтийская промышленность распиливалась на металлолом?

Почему индустриальный потенциал Прибалтики не удалось сохранить? Почему два с лишним десятилетия после выхода из СССР там последовательно уничтожалось промышленное производство? Можно выделить несколько общих причин.

1. Советская индустриализация Литвы, Латвии и Эстонии всегда вызывала глухое недовольство радикальных националистов, поэтому борьба за независимость в «трех прибалтийских сестрах» состояла в том числе в борьбе с развитием промышленности.

Проявилось это в экологическом движении.

«Заводы оккупантов отравляют нашу природу» – с таких разговоров на заре перестройки, ещё до «Саюдиса» и Народных фронтов, начиналось движение прибалтийских республик за выход из СССР. Отправной точкой, разумеется, послужил Чернобыль. Одной из характеристик сепаратистского движения в Литовской ССР было запугивание населения «чернобыльским сценарием» на Игналинской АЭС и претензии Витаутаса Ландсбергиса к советскому правительству

за то, что построили литовцам атомную станцию (в классической логике: «Я, может, своего согласия на операцию не давал. А равно и мои родные»). В Латвии перестройка началась с движения против гидроэлектростанции на Даугаве, в Эстонии с протестов против Нарвской ГРЭС – прибалтийские националисты негодовали на Москву за избыток энергетических объектов точно так же, как сейчас негодуют на нее же за энергодефицит. В Эстонии настоящее народное движение за выход из СССР началось с «фосфоритной войны» – массовых выступлений против фосфоритных месторождений на северо-востоке республики, переросших в массовые выступления за независимость Эстонии (подробнее о пути прибалтийских республик к независимости см. главы VII–IX).

К слову, именно экологическую программу прибалтийским лидерам, провозгласившим независимость, удалось выполнить в полном объеме. Воздух в Прибалтике теперь экологически чистый, в запрудах развелись бобры, на дырявых заводских крышах гнездятся аисты. Вопрос, не стоило ли добиться всего этого более сложным и длинным путем: через установку экологических фильтров и строительство очистных сооружений, – не для местного правящего класса.

2. Социально-экономическое благополучие советской Прибалтики обеспечивалось за счет поддержки союзного Центра и внутренних экономических связей с другими со-

ветскими республиками.

«Бессмысленно работать лучше, – писал в 1988 году председатель Госплана Эстонской ССР Рейн Отсасон. – Зато большой смысл имеет составлять письма о помощи. Важно уметь выпросить деньги, продовольствие, корма, товары, что угодно, это более важно, чем уметь делать их»¹⁴. Кстати, сегодня Таллин извлекает серьезные деньги из торговли квотами на выброс углекислого газа: до 2020 г. намечено выручить 270 млн евро¹⁵. Ирония судьбы: солидные для Эстонии средства приносят квоты CO², предназначенные для производственных объектов, построенных ещё в советское время.левой рукой разрушая остатки советского прошлого, правой рукой эстонский истеблишмент активно ими же пользуется.

В том же 1988 году произведенный в РСФСР национальный доход на 10,5 млрд руб. превышал доход, использованный на потребление и накопление, тогда как в Литовской ССР сумма использовавшего национального дохода превышала сумму произведенного на 903 млн руб., в Латвийской ССР – на 431 млн, в Эстонской ССР – на 428 млн руб.

За счет ввоза из других советских республик Литовская республика удовлетворяла 75% своих потребностей в химической и нефтехимической промышленности, 100% – в угле,

¹⁴ Рейн Отсасон, Владимир Соколов. Республика на хозрасчете? // Литературная газета. 1988. 16 ноября. С. 11.

¹⁵ <http://rus.err.ee/estonia/3d57c9d7-952b-4503-8847-e81483cd30ce>

77% – в продуктах нефтегазовой промышленности. К 1991 году практически все прибалтийские села были газифицированы (в отличие от России, которая этот газ поставляла).

Как говорил персонаж мультфильма про Простоквашино, «а отдавать будем молоком»: с Центром Литва, Латвия и Эстония расплачивались сельскохозяйственными товарами и продукцией легкой промышленности. При этом мелиорация земель осуществлялась целиком за счет союзного бюджета. В послевоенные годы в «оккупированной» Прибалтике было осушено около 80% всех сельхозугодий, в целом по стране – 6,8%, а в соседних Псковской и Смоленской областях – 2,5–3%. Техника и удобрения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР отпускались Москвой по дотационным расценкам, составлявшим 48% от их реальной стоимости.

В 1988–1991 годах республиканские власти и сепаратистские движения Литвы, Латвии и Эстонии последовательно и методично пилили тот сук, на котором сидели. И в конечном счете потерпели сокрушительную победу! СССР развалился, страны Балтии не только провозгласили независимость, но и прописали на конституционном уровне запрет на любую возможную в будущем интеграцию на основе бывшего СССР. Никакого сотрудничества со «свободной Балтией» на прагматической деловой основе, на которое надеялись в начале 90-х ельцинские либералы, не получилось: вместо «балтийского моста», связывающего Европу и Россию, возникла «буферная зона», разделяющая их (подробнее см. главу

VI). Официальная русофобия стала неотъемлемой составляющей балтийских государств, и ни о каком едином экономическом пространстве с тех пор не могло быть и речи.

Как следствие, поток московских дотаций оборвался, производственные цепочки и связи с предприятиями-смежниками на постсоветском пространстве распались, никаких попыток восстановить их на правительственном уровне не предпринималось. «Рафики», «Спидолы» и прочая продукция оказались невостребованными на рынках РФ, Белоруссии, Украины и прочих республик, в начале 90-х переживавших системный кризис, а на западных рынках всё давно уже было занято.

3. Глобализация и европейская интеграция. Отказ стран Балтии от торговых барьеров и протекционизма, радикально либеральная экономическая политика и стремление участвовать во всех западных интеграционных проектах привели к тому, что на рынки Прибалтики хлынул поток относительно качественной и дешевой европейской продукции. Местное производство этой конкуренции выдержать заведомо не могло: за десятилетия социализма промышленность крайне отстала технологически, а маленькое национальное производство в свободной конкуренции с западными транснациональными гигантами выжить не могло никогда.

Но если в досоветских балтийских республиках местного производителя пытались поддерживать, то в постсоветских

– падающих толкнули.

«Налоговая политика была единая, денег не давали, потому что их не было. Всё было честно. Государство не мешало и не помогало, а наблюдало со стороны – кто выживет», – говорил об экономической политике того времени премьер-министр Латвии в 1993–1995 годах Валдис Биркавс. Честность этого заявления вызывает большие сомнения.

Сразу после провозглашения независимости в странах Балтии началась модернизация систем телефонной связи.

Легендарный ВЭФ, созданный латвийским правительством в конце 1910-х годов именно для производства телефонных станций, стараниями латвийского правительства начала 1990-х годов в течение всей коммуникационной реформы не получил ни одного заказа.

При содействии пришедших к власти национальных кадров прибалтийскую индустрию приватизировали шведы, финны, англичане, американцы, затем эта индустрия в прямом и переносном смысле распиливалась. Поток металлолома из бывшего СССР в 90-е годы обвалил мировой рынок цветных металлов. А шел этот поток через прибалтийские порты...

4. Мода. В экономике модные тенденции могут диктовать свои условия не меньше, чем во внешнем виде. Разрушая

советскую и досоветскую индустрию, балтийские политики, помимо прочего, были заложниками именно тогдашней экономической моды. На начало 90-х приходится пик популярности теории постиндустриального общества, согласно которой социальный прогресс заключается в том, что вместо реального производства ведущей областью жизни должна стать сфера услуг.

В том числе следуя этой модной теории (во всяком случае, оправдываясь ею), в Прибалтике уничтожали заводы и оставляли необработанными сельскохозяйственные земли, объявляя приоритетными банковский сектор, посреднические услуги, торговлю и прочее.

Сейчас мода поменялась: многие бывшие адепты постиндустриальной эпохи, например, восхищаются новой индустриализацией в США, произошедшей в результате «сланцевой революции». «Конкурентоспособность промышленности должна быть центральной темой политической повестки дня Европейского Совета, который соберется в марте 2014 года. Сегодняшним начинанием комиссия дает четкий знак, что если мы ходим создать новые рабочие места, нашу экономику неизбежно нужно снова индустриализовать и модернизировать», – заявил в конце 2013 года комиссар ЕС по вопросам промышленности и предпринимательства Антонио Таяни.

Мода теперь – это модернизированные, высокотехноло-

гичные, наукоемкие, экономные энергетически и безопасные экологически предприятия в своей стране. Зачем открывать филиалы этих предприятий в Прибалтике, если там для работы на них становится всё меньше населения? Для того же, чтобы вернуть на родину своих гастарбайтеров, нужно, чтобы уровень жизни в Литве, Латвии и Эстонии стал выше, чем в Великобритании, Ирландии и Финляндии. А как он им станет с «экономикой прислуги», как определил это явление экономист Джефф Фоу? Получается замкнутый круг.

5. Рабочие больших предприятий потенциально представляли собой политическую силу, способную бросить вызов новым политическим режимам. В довоенных Литве, Латвии и Эстонии была промышленность, но там были и сильные профсоюзы, и сильное левое движение. Постсоветская же Прибалтика характеризуется исключительно правым общественно-политическим строем. В том числе именно потому, что большая промышленность там была уничтожена. К очевидному несогласию больших рабочих коллективов с праволиберальной политикой правительства добавлялся куда более важный этнический фактор: большинство рабочих на больших высокотехнологических предприятиях Прибалтики были русскими и русскоязычными. В Латвии и Эстонии они были массово лишены гражданства. Поэтому в случае сохранения большой индустрии там неминуемо возникло бы сильное профсоюзное движение, которое переросло

бы в массовое движение за гражданские права и стало бы основой для политической самоорганизации.

Промышленные предприятия Прибалтики несли угрозу общественно-политическому строю постсоветских Литвы, Латвии и Эстонии. Поэтому новые режимы их уничтожили, нанеся тем самым смертельный удар по экономикам и народам своих стран, но гарантировав себе сохранение власти.

3. «Жирные годы» Литвы, Латвии и Эстонии: как раздувались «балтийские тигры»

Выражение «балтийские тигры» вошло в лексикон экономистов в 2001 году, первое письменное упоминание – статья Алексея Денисенкова в журнале «Эксперт». «Особенно изумляет Латвия, объем ВВП которой за первое полугодие вырос к аналогичному периоду прошлого на 8,8%, причем во втором квартале – на 9,2% – сегодня это самый высокий прирост в Европе, – пишет Денисенков. – Эстония, которая считается эталоном „свободный торговли“ в регионе и лидирует по объему прямых иностранных инвестиций на душу населения (в прошлом году – 179 долларов, Латвия – 170, Литва – 102), также в хорошей форме, особенно если учесть, что и прежде у нее был самый высокий в регионе темп. Литва хотя и отстает от соседей, но тоже набрала скорость сверх собственных ожиданий»¹⁶.

Сравнение балтийских темпов роста с «экономическим чудом» Тайваня, Сингапура и Южной Кореи – комплимент, уже свидетельствующий о впечатляющих экономических успехах Литвы, Латвии и Эстонии на рубеже веков.

¹⁶ Алексей Денисенков. Далеко ли прыгнут «балтийские тигры»? // «Эксперт Северо-Запад», № 21 (50), 08.10 2001

Страны Балтии – эталон успешного перехода от социализма к рынку, неолиберальные экономисты и международные финансовые организации ставят их в пример даже бывшим странам СЭВ в Центральной Европе, не говоря уже о других постсоветских республиках.

Книги-оды успехам «балтийских тигров» выпускаются не только местными авторами, но и западными экономистами-международниками. «Эстония – новая экономика ЕС: строительство балтийского чуда?» – заголовок книги 2006 года от группы европейских авторов¹⁷.

Среди российских западников к этому времени окончательно формируется убеждение, что только в балтийских республиках по-настоящему удались радикальные рыночные реформы, которые, мягко говоря, не вполне получились у правительства Гайдара. Закрепляется практика отказываться от общеупотребительного слова «Прибалтика» и навязывать слово «Балтия» в знак особого уважения к этому региону. Русских Прибалтики всё больше считают нытиками-неудачниками, которых в Латвии и Эстонии абсолютно законно сделали людьми «второго сорта»: оставь им право участвовать в выборах, и они потянули бы свои страны назад, и Приба... в смысле, Балтия таких успехов бы не демонстрировала.

У наиболее зашоренной и неспособной к критическому

¹⁷ Estonia, the new EU economy: building a baltic miracle? // http://books.google.ru/books?id=I3DlTOaAA4EC&pg=PA310&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false

мышлению общественности (т. н. «демшизы») такое отношение к странам Балтии сохраняется до сих пор, хотя для того, чтобы убедиться, что «тигры» давно сдохли, можно даже не изучать кричащие цифры статистики, а просто проехаться по Прибалтике и поискать, где же там «экономическое чудо».

Впрочем, нынешнее положение не означает, что форсированный рост 90-х и 2000-х – это миф. Постсоветская Прибалтика действительно росла и развивалась очень быстрыми темпами. Среди причин этого бурного роста были и те, которые приводят правые экономисты, сводящие успешное экономическое развитие к созданию эффективных институтов. Структурные реформы начала 90-х годов в странах Балтии действительно проводились быстро, жестко и эффективно – при нацеленности на проведение реформ руководства и тщательном контроле за ходом преобразований западных наставников.

Оперативно была создана финансовая система и обеспечен устойчивый твердый курс возрожденных к жизни национальных валют: лита, лата и эстонской кроны, сформирована простая и прозрачная система налогообложения, за счет передачи налоговых отчислений и административных полномочий создано сильное местное самоуправление.

Бизнесу в странах Балтии, как это неоднократно отмечали международные аналитические агентства, были созданы оп-

тимальные условия для ведения предпринимательской деятельности.

Поэтому из всех постсоветских государств прибалтийские первыми продемонстрировали эффект «отскока после падения»: уже в 1994–1995 годах в Эстонии, Латвии и Литве начался экономический рост. Помимо успешной государственной политики это объяснялось тем, что в Прибалтике был лучший фундамент для перехода к рынку: политическая стабильность и отсутствие военных конфликтов, развитая инфраструктура (лучшие в СССР дороги, например, были там), низкий уровень преступности, трудолюбивое население. При таких стартовых условиях и обильной помощи Запада (а Литве, Латвии и Эстонии щедро предоставляли кредиты МВФ и ЕБРР: во-первых, из-за досконального соблюдения республиками всех требований, во-вторых, из-за влияния на международные структуры американцев, на которых страны Балтии изначально ориентировались во внешней политике) уничтожение традиционных отраслей экономики – сельского хозяйства, промышленности, пренебрежение транзитом виделись малой платой за переход стран Балтии в постиндустриальную эпоху. Ещё в середине 2000-х годов не казались очевидным абсурдом претензии Латвии стать балтийской Швейцарией за счет специализации на банковском деле. Или намерение Эстонии превратиться в северный Гонконг. У балтийских стран были реальные основания для подобного рода амбиций.

Однако после вступления Литвы, Латвии и Эстонии в Евросоюз вместо здорового и естественного экономического роста в этих странах наступила пора «шалых денег»: ещё более стремительный, чем прежде, экономический рост обеспечивался теперь потребительским бумом за счет ничем не подкрепленных массовых кредитов.

Снижение ставок кредитования в 2004 году привело к тому, что в страны Балтии устремился иностранный заемный капитал, в первую очередь скандинавский. Ажиотажное предложение породило безудержный спрос: кредит давали практически любому, кто за ним обращался, без всяких гарантий выплаты этого кредита и почти по нулевой ставке. Место производства в структуре экономики окончательно заняло потребление: в Прибалтике наступили «жирные годы». Население убедили в том, что с помощью дармовых кредитов оно может в кратчайшие сроки достичь уровня потребления американского, западноевропейского и скандинавского среднего класса.

Характерная эстонская поговорка «жирных лет»: «Мы те же финны и в ближайшем будущем будем жить так же». В 2003–2007 годах объем кредитного портфеля эстонских банков увеличился на 37%, доля ипотечного кредитования среди выданных кредитов с 2000 по 2008 год утроилась и к началу кризиса составляла 37%. Дефицит платежного баланса

Эстонии к началу кризиса составлял 18% ВВП¹⁸.

Аналогичная ситуация наблюдалась в Литве: бум на строительном рынке за счет выплат из фондов Евросоюза и привязанное к нему раздувание «кредитного пузыря», в первую очередь на рынке ипотечного кредитования. Бурный рост литовской экономики в 2005–2007 годах был не просто ничем не обеспечен в реальности – он был ничем не обеспечен в квадрате. «В 2007–2008 годах стоимость одного „квадрата“ в новостройке в столице Литвы Вильнюсе доходила до 2 тысяч евро. Когда ударил кризис, квартиры в новостройках сразу потеряли более 30 процентов стоимости», – вспоминает глава департамента по оценке и анализу рынка литовской компании Ober-Haus Саулюс Вагонис.

Но самый большой «кредитный пузырь» и самая безумная вакханалия потребления в 2005–2007 годах были в Латвии (исторически справедливо, что её же затем и потряс самый жестокий кризис, причем не только в Прибалтике, но и в мире).

К 2008 году дефицит платежного баланса Латвии составлял 30% ВВП, а внешний долг страны перевалил за 30 миллиардов евро, тогда как государственный бюджет Латвийской республики на 2008 год составлял 12,3 миллиарда долларов.

¹⁸ Леонид Григорьев. Балтийский опыт выхода из кризиса: на пути к экономическому шторму // <http://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/baltiyskiy-opyt-vykhoda-iz-krizisa-na-puti-k-ekonomicheskomu-shtormu180413/>

Ипотечные кредиты в Латвии предлагали брать в 105% от цены недвижимости под 1% годовых. Цены на недвижимость, к слову, за несколько «жирных лет» взлетели в 7 раз. Даже осторожным и консервативным в вопросах расходования личных средств латвийским потребителям не удавалось противостоять эффекту толпы: всеобщий потребительский ажиотаж требовал покупать, покупать и ещё раз покупать, набирая всё новые кредиты. На человека, не поддающегося общему настроению и отказывающегося приобретать в супервыгодный кредит машину/квартиру/бизнес/землю/бытовую технику, смотрели как на юродивого не от мира сего.

Ничего хорошего с экономикой, процветающей на ничем не обеспеченных кредитах и почти ничего не производящей, произойти не могло. В меньшей степени это относится к экономикам Эстонии и Литвы. Но всё равно относится. Достаточно было лишь внешнего толчка, чтобы финансовая пирамида стран Балтии обрушилась, а экономика «балтийских тигров» с боем часов из кареты превратилась в тыкву.

4. Пропало всё: мировой кризис 2008 года и социально-экономическая катастрофа балтийских государств

Кризис 2008–2009 годов действительно был первым капиталистическим кризисом, охватившим весь мир, однако в разных странах его воздействие тоже было разным. В Европе кризис сделал банкротом маленькую благополучную Исландию, зато восточноевропейская Польша последствия кризиса преодолела сравнительно быстро. Критическая ситуация сложилась в странах Южной Европы, в которых были установлены рекорды внешнего долга и безработицы, зато в Германии и странах Скандинавии кризис на бытовом уровне почти не ощущался.

Страны Балтии принадлежат к тем странам, по которым кризис ударил сильнее всего в мире. Латвия и Литва претендуют на «почетное» звание стран, больше всех в мире пострадавших от кризиса.

Собственно, всеобщий финансовый кризис по балтийским республикам ударил «в пандан» к их собственному, многократно усилив последствия от схлопывания «кредитного пузыря». Но кризисные тенденции в Прибалтике проявились задолго до банкротства американских ипотечных компаний Fannie Mae и Freddie Mac (заметим, к слову, что в

Прибалтике кризис начинался с того же, что и в США: с краха рынка кредитной недвижимости и последующего кризиса в банковской сфере. Разница в том, что американская экономика является системообразующей частью глобальной, поэтому «когда Америка простужается, весь мир чихает», а когда «простудились» страны Балтии, в мире этого никто и не заметил).

В Латвии уже осенью 2007 года банки замораживают кредитование покупки жилья и нового строительства, на рынке недвижимости начинают срывать сделки, а к началу всемирного кризиса страна приходит с инфляцией в 18% и недобором доходов бюджета на 7%.

В Эстонии наступление кризиса тоже связано с внутренними причинами и также проявляется ещё до событий лета – осени 2008 года. Мэр Таллина и председатель Центристской партии Эдгар Сависаар (в прошлом один из основателей Народного фронта Эстонии) в своей книге «Правда об Эстонии» утверждает, что национальный кризис имел политическую составляющую: уже в 2006 году рынок дешёвых кредитов был опасно перегрет, и с этого времени эстонское правительство бросает все свои силы на введение евро, чтобы минимизировать для банков последствия неизбежной девальвации эстонской кроны. Оно не пытается регулировать рынок, чтобы остановить создание финансовой «пирамиды» из ничем не обеспеченных кредитов, а принимается подгонять макроэкономические показатели под Маастрихтские крите-

рии, необходимые для перехода на евро, что не в последнюю очередь связано с личной заинтересованностью правящей элиты в дальнейшем стремительном обогащении банков (председателем Swedbank накануне кризиса, например, стал одиозный Март Лаар, ультраправый основатель постсоветской государственности Эстонии – подробнее см. главу IX). Не успели: с 2008 года начинается волна банкротств эстонских банков. «В 2008 году в результате того, что банки смело одалживали кредиты направо и налево, общий объем выданных в Эстонии кредитов вырос до 17 миллиардов евро, т. е. больше чем удвоился по сравнению с 2005 г. В результате кредитный пузырь лопнул, рынок недвижимости обрушился, и экономика оказалась в глубокой яме. Тем не менее, как и ожидалось, государство не приняло никаких мер против банков. Их неприкосновенность была обеспечена», – пишет Эдгар Сависаар¹⁹.

В Литовской республике, как следует из статистики аналитических агентств в сфере недвижимости, кризис начался за много месяцев до банкротства Lehman brothers и коллапса американской системы кредитования: падение продаж на рынках первичного и вторичного жилья (как следствие, падение цен) в Литве началось с последнего квартала 2007 года²⁰.

¹⁹ Эдгар Сависаар. Правда об Эстонии. М.: МИДФИЕЛД ОÜ, 2013

²⁰ Ober-Haus Real Estate Advisors. Baltic & Poland price index // <http://www.oberhaus.com/Baltic-Poland-price-index>

Так что прибалтийский кризис начался ещё до мирового и был вызван внутренними причинами. Однако наложение мирового кризиса на местные стало катализатором куда большей катастрофы, чем та, к которой мог бы привести один лишь лопнувший «кредитный пузырь». Прибалтика к началу 2009 года превратилась в регион социально-экономического бедствия.

В Риге 13 января 2009 года от 10 до 20 тысяч человек собрались у Домского собора, требуя отставки правительства. Вечером того же дня в старом городе начались массовые беспорядки – одни из самых крупных в истории Латвии. Протестующие пытались штурмом захватить здание Сейма, доставали из брусчатой мостовой булыжники и закидывали ими парламент, переворачивали машины, громили банки, кафе, магазины. Полиция пустила в ход слезоточивый газ, дубинки и резиновые пули. Произошла потасовка погромщиков с бойцами спецподразделения «Альфа», было задержано 137 человек. Спустя неделю, 20 января, премьер-министр Латвии Ивар Годманис ушел в отставку, правительство было распущено.

В Литве 16 января 2009 года около 7 тысяч человек в Вильнюсе и около 3 тысяч человек в Шяуляе устроили погромы, вызванные катастрофическим положением в стране: протестующая против объявленного правительством Андриуса Кубилюса режима жесткой экономии толпа двину-

лась по проспекту Гедиминаса и принялась забрасывать камнями, яйцами и бутылками здание Сейма, скандируя «Долой Сейм» и «Позор». Полиция для рассеивания толпы применила газовые гранаты со слезоточивым газом и дубинки. Рейтинг правительства, премьера Кубилюса и правящей партии «Союз Отечества – христианские демократы Литвы» упал до критически низких отметок, хотя к власти литовские консерваторы пришли только осенью 2008 года.

В тихой, сонной Прибалтике таких потрясений не было с 1991 года – после того, как Литва, Латвия и Эстония добились независимости, мало кто вообще предполагал, что там возможны протесты таких масштабов и такой кризис доверия к политической власти (ведь, по сути, в Латвии и в Литве в начале 2009 года сложилась революционная ситуация). Однако никто не предполагал и такого кризиса: за полтора десятилетия непрерывного экономического роста в «балтийских тиграх» у населения возникла уверенность, что «жирные годы» будут всегда.

Тем сильнее было потрясение от того, что их страны вошли в число лидеров по темпам экономического падения. По итогам 2009 года ВВП Латвийской республики упал больше всех валовых внутренних продуктов в мире – на 18%. На втором месте по темпам падения ВВП оказалась Литва – 17%. Эстонский ВВП в 2009 году снизился на 15%²¹.

И это статистика только за один год.

²¹ <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>

Суммарные потери за 2008–2012 гг. составили в Латвии 77% от годовых объемов производства в докризисный период, потери Литвы – 44%, Эстонии – 43%. Страны Балтии вошли в новейшую экономическую историю: такого обвала по итогам кризиса не было ни у кого.

Безработица в Латвии по итогам 2009 года, согласно Eurostat, составила 23% населения. В Литве, по данным национального департамента статистики, пик безработицы пришелся на 2010 год – 18%, в Эстонии, согласно местной «Кассе по страхованию от безработицы», безработными были 14% жителей страны. Очевидна корреляция между этими цифрами и статистикой эмиграции населения из Прибалтики в тот же период.

Ближайший аналог их темпов падения – «Великая депрессия» в Соединенных Штатах в 1929–1932 годах: с ней посткризисное состояние прибалтийских государств сравнивали ведущие мировые экономисты, включая нобелевского лауреата по экономике Пола Кругмана. «Широко разрекламированная история „экономического успеха“ Латвии на самом деле идентична тяжелой ситуации в США во время „Великой депрессии“», – делает Кругман вывод о посткризисной ситуации в Латвии летом 2013 года в своем блоге в «The New York Times»²².

²² Paul Krugman The Soft Bigotry of Low European Expectations // <http://krugman.blogs.nytimes.com/2013/08/15/the-soft-bigotry-of->

Великая депрессия – это характеристика не только экономической ситуации, но и тяжелого морально-психологического состояния американского общества 30-х годов. И снова аналогии с Прибалтикой после буквального банкротства мифологии «балтийских тигров» применимы в полной мере. Только самые зашоренные и невежественные люди могут теперь считать страны Балтии примером для подражания. Литва, Латвия и Эстония пришли в упадок, оттуда десятками тысяч в год стали уезжать люди. Этот процесс не остановился до сих пор.

5. «История успеха»: как Прибалтика «преодолела» экономический кризис

После прощания с легендой о «балтийских тиграх» страны Балтии подарили международному экономическому сообществу новый миф – об «истории успеха». С легкой руки членов команды премьер-министра Латвии Валдиса Домбровскиса так стали называть опыт выхода Латвийской республики из кризиса, а вслед за ней и опыт Литвы с Эстонией. В 2012 году модель выхода стран Балтии из кризиса стала предметом профессионального спора экономистов-международников всего мира: эксперты спорили не менее ожесточенно, чем политики и население самих балтийских республик.

При этом выражение «история успеха» использовали как сторонники той точки зрения, что антикризисная политика прибалтийских правительств (Латвии в первую очередь, потому что там был и самый глубокий кризис, и самое жесткое «затягивание поясов» правительством, и самые выразительные результаты такой политики) была успешна и может считаться примером для подражания (они про историю успеха говорили без кавычек), так и противники (они, соответственно, говорили в кавычках и с сарказмом).

Имеет смысл подробнее рассмотреть опыт преодоления кризиса в Латвии: он является наиболее выразительным при-

мером прибалтийской антикризисной политики и вызывает наиболее ожесточенные споры между сторонниками и противниками предпринятых правительством Валдиса Домбровскиса жестких мер. В Эстонии и Литве происходило всё то же самое, только не так ярко и выпукло для внешнего наблюдателя.

Платой за предоставление Латвии финансовой помощи от МВФ, ЕБРР, Всемирного банка, Еврокомиссии и более материально успешных стран – соседей по европейскому дому – стала политика радикального сокращения расходов государства в наиболее важных сферах жизни.

За пять лет борьбы с кризисом в стране закрылась каждая вторая больница, финансирование медучреждений было урезано на 57%, и без того низкие зарплаты врачей сократили на 20%, значительная часть медицинского персонала попала под сокращение. Результат: кратный рост очередей на получение медицинской помощи и дефицит наиболее важных бесплатных лекарств в больницах при полной неспособности большинства населения (в первую очередь основных пациентов – пенсионеров) приобрести их за свой счет – в конце концов, рост смертности при паническом, хотя и небезосновательном страхе молодых семей заводить в этой стране детей.

Зарплаты в Латвии были снижены на 20%, пенсии – на 10% (на 70% для работающих пенсионеров – количество ра-

ботающих пенсионеров в Латвии моментально сократилось вдвое) и перестали индексироваться (то есть регулярно повышаться с учетом инфляции). На 10% сократили материнские пособия. Вдвое срезали минимальный размер оплаты труда, а пособие по безработице (актуальное на тот момент для каждого четвертого жителя страны) назначили такое, что на него нельзя было прожить в принципе, – правительство таким явным и очевидным образом подталкивало население к эмиграции.

На данный момент Латвия является антилидером Евросоюза по количеству людей, живущих в состоянии депривации – тяжелой материальной отчужденности. А по данным Eurostat за прошлый год, 36,6% жителей Латвии живут за чертой бедности – один из худших показателей в Евросоюзе.

Но самым парадоксальным в антикризисной программе Валдиса Домбровскиса было то, что параллельно с «шоковыми» урезаниями в социальной сфере латвийское правительство повышало налоги. Подоходный налог для населения был повышен до 26%, стандартная ставка налога на добавленную стоимость повышалась ежегодно, и с 18% в 2008 году выросла до 22% в 2010 году, став одной из самых высоких в Европе. То есть о стимулировании предпринимательской активности населения и поддержке на плаву национального производителя латвийское правительство думало не больше, чем о помощи пострадавшим от кризиса слоям

населения.

Про «непопулярные меры» и «затягивание поясов» как здоровую и эффективную антикризисную политику любят говорить поклонники классического свободного рынка. Однако называть антикризисные меры Домбровскиса правополиберальными только потому, что он резал по живому все социальные расходы, а безработных обрек на голодную смерть в случае дальнейшего проживания в Латвии, было бы неправильно. Главной целью антикризисных мер было обеспечение улучшения макроэкономических показателей, которое можно было бы затем с гордостью продемонстрировать Брюсселю, всем прочим спонсорам-кредиторам и вообще международному сообществу.

В этом смысле антикризисная программа правительства Домбровскиса не была ни левой, ни правой – это была программа (евро)бюрократа, которому необходимо красиво отчитаться «с цифрами в руках» о хорошо проделанной работе.

Здесь особенно важно подчеркнуть, что Валдис Домбровскис долгое время числился среди наиболее вероятных кандидатов на пост председателя Еврокомиссии, поэтому демонстрация своих успехов на посту латвийского премьера – антикризисного менеджера была для него особенно важна. Латвийской экономикой ради красивых, но ничего реального о подлинном положении дел в Латвии не говорящих графиков улучшения макроэкономической статисти-

ки, ради собственных карьерных устремлений можно было пренебречь. «Когда в очередной раз принимался семилетний долгосрочный бюджет ЕС, наш экс-премьер-министр имел совершенно законное право его заблокировать, а также моральное право, поскольку латвийские крестьяне получали самые низкие субсидии в ЕС, – утверждал в беседе с RuBaltic.ru латвийский экономист, профессор Латвийского университета Нормундс Гростиньш. – Если смотреть с точки зрения бывшего премьер-министра, который, скорей всего, станет еврокомиссаром и будет получать королевскую зарплату, никакого основания для пессимизма нет. Наоборот, он должен быть страшно доволен».

Поэтому спустя пару лет после начала «шоковой терапии» важнейшим направлением деятельности латвийских чиновников стал пиар произошедшего, по их утверждениям, в национальной экономике «экономического чуда» и лично «великого и ужасного Гудвина» – т. е. «антикризисного менеджера» Валдиса Домбровскиса. Тогда и появилось ставшее крылатым выражение «история успеха».

Распространению истории о беспрецедентно быстрой и очевидной победе Латвии над экономическим кризисом без ложной скромности способствовал и сам премьер-министр.

В 2011 году Валдис Домбровскис в соавторстве с американским экономистом Андерсом Аслундом опубликовал книгу «Как Латвия преодолела финансовый кризис» – на английском, что характерно, язы-

ке и для западной, в первую очередь, аудитории²³. Эта книга – выдающийся пример новейшего прибалтийского мифотворчества.

Игнорируя многочисленные кризисные тенденции на протяжении всего 2008 года, Домбровскис называет отправной точкой кризиса банкротство «Парекс-банка» в ноябре 2008-го под влиянием мирового обвала на рынках, отрицая тем самым какую-либо ответственность латвийского государства за случившуюся в национальной экономике катастрофу.

Весь латвийский кризис, по Домбровскису, это банальный boom-bust – результат перегрева экономики от чересчур успешного развития. Однако благодаря жестким, но эффективным мерам правительства успешное развитие восстанавливается, и уже скоро в Латвию вернутся «жирные годы». Об этом свидетельствует, мол, макроэкономическая статистика: ВВП страны по итогам 2011 года вырос на 5,5% – по этому показателю Латвия стала лидером экономического роста в Евросоюзе. Экспорт товаров вырос на 14%, экспорт услуг – на 13%, безработица снизилась до 10% – по темпам её снижения Латвия, опять же, стала лидером Евросоюза.

При этом в книге латвийского экс-премьера странным образом ничего не говорится об эмиграции: наивный экономист-дилетант, таким образом, должен сделать вывод, что рекордные темпы падения безработицы – это от появления

²³ Anders Åslund, Valdis Dombrovskis. How Latvia Came through the Financial Crisis // <http://bookstore.piie.com/book-store/6024.html>

новых рабочих мест. По идее, он ведь не знает, что за пару-тройку лет кризиса из Латвии уехало 100 тысяч человек. Есть и другие статистические «шалости»: при приведении цифр экспорта ничего не говорится о цифрах реэкспорта (возврата товаров). Что же до рекордного роста ВВП, то по рекордности этот рост не сопоставим с падением. «После сокращения латвийской экономики на 20%, последующего отскока на 5% с легкой руки МВФ данная статистика помогла стране стать лучшей экономикой среди 27 стран ЕС», – пишет американский экономист, обозреватель журнала «Slate» Мэтью Иглесиас.

Споры о том, стала ли латвийская (шире – прибалтийская) модель выхода из кризиса историей успеха, в 2012–2013 годах захватили западных экономистов. Больше всех на ниве ниспровержения мифотворчества Домбровскиса, Грибаускайте и прочих прославился знаменитый американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман, заслуживший звание персонального врага латвийского правительства – в 2013 году Кругману даже отказали в участии в Рижском экономическом форуме (беспрецедентное для стран Балтии событие: не пустить в страну гражданина США!). «Лесть в адрес Латвии в действительности говорит нам больше о том, во что европейская политическая элита хочет верить, чем о реалиях латвийского опыта, – пишет Кругман в своей колонке в „The New York Times“. – Малая открытая экономика может восстановить полную заня-

тость через дефляцию и внутреннюю девальвацию. Проблема, однако, в том, что такая модель несет многие годы страданий и в долгосрочной перспективе мы все мертвы»²⁴.

О том, что «история успеха» (латвийский опыт борьбы с кризисом) не может считаться образцом для других стран, пишет и экономический обозреватель британской «The Financial Times» Мартин Вулф. «Можно ли Латвию считать убедительным примером для других более крупных экономик? Разумеется, нет. То, что возможно в условиях маленьких, открытых экономик, практически неосуществимо – в экономическом, политическом и социальном смысле – в условиях крупных и относительно закрытых систем... Вероятно, кто-то считает, что Латвия может послужить моделью для маленьких государств. Но думать, что она может стать примером для всей Европы, это просто безумие», – считает экономист²⁵.

«Всю тяжесть стратегии дефляции ощутил на себе синий воротничок из рабочего класса, в то время как зажиточный средний класс с его заграничными валютными вкладами был защищен. Эту политику сформировали классовые интересы элит, – заявляет с позиций левой экономической мысли обо-

²⁴ Paul Krugman Latvia, Once Again // http://krugman.blogs.nytimes.com/2013/01/02/latvia-once-again/?_php=true&_type=blogs&_r=0

²⁵ Wolf M. Why the Baltic states are no model // The Financial Times. 30.04.2013 // <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/090bd38e-b0c7-11e2-80f9-00144feabdc0.html#axzz2S0dCTuel>

зреватель „The Telegraph“ Эмброуз Эванс-Причард. – Многие из тех, кто потерял работу в кризис (часто – этнические русские), так и не нашли её и никогда в Латвии уже не найдут, если они старше 50 лет... Эта политика – моральный позор»²⁶. А много лет прожившей в Латвии профессор Университета Висконсин-Милуоки Джеффри Соммерс назвал всю постсоветскую латвийскую историю успеха «антирабочей», отмечая, что здесь «рабочий класс не сопротивлялся, а просто эмигрировал вежливо и спокойно».

Что ещё важнее – скептицизм экспертов по ситуации в их странах после кризиса разделяют жители Латвии и других балтийских стран, которые попросту имеют возможность видеть плоды «истории успеха» своими глазами.

Согласно социологическому опросу «Латвийского барометра DNB» в мае 2014 года, только 15% жителей Латвии считали, что экономическая ситуация в стране улучшается, а 21% латвийцев говорили об ухудшении в экономике. При этом 53% жителей Латвии считают, что в стране сложилась плохая экономическая ситуация. Только 4% респондентов назвали нынешнее экономическое положение Латвии хорошим. Деятельность правительства негативно оценили 69% опрошенных.

²⁶ Ambrose Evans-Pritchard Mad Latvia defies its own people to join the euro // <http://blogs.telegraph.co.uk/finance/ambroseevans-pritchard/100025122/mad-latvia-defies-its-own-people-to-join-the-euro/?fb>

Опрос был проведен спустя 5 лет после начала политики «затягивания поясов» правительством Домбровскиса. Знаменитые неолиберальные реформы Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, на которых равнялись прибалтийские лидеры и которые тоже предполагали «шоковую терапию», после первых трудных лет оборачивались взрывом поддержки населением политики правительства. Народ в конечном счете понимал правильность и эффективность жестких мер, понимал, что просьбы потерпеть и «затянуть пояса» были не напрасными. Поэтому Рейган и Тэтчер через пять лет после прихода к власти превратились в глазах населения в национальных героев своих стран с запредельно высоким рейтингом. В Латвии спустя пять лет после «шоковой терапии» рейтинг правительства и правящей партии «Единство» был так же низок, как в первые годы правления Домбровскиса. В соседней Литве, судя по итогам президентских выборов 2014 года, Дале Грибаускайте стать литовской Маргарет Тэтчер тоже не удалось (партия консерваторов и вовсе проиграла выборы двумя годами ранее) – теперь ей остается лишь претендовать на лавры литовской Ангелы Меркель (и то незаслуженно).

6. На игле: прибалтийские экономики и дотационные фонды ЕС

Борьба стран Балтии с кризисом началась с резкого усиления их зависимости от ЕС. Брюссель и международные финансовые институты (как правило, неформально контролируемые Вашингтоном) перевели их на внешнее управление.

В политической сфере это проявилось в принципиальном изменении структуры власти в Латвии и Литве: ведущие лидерские позиции там заняли «варяги», рекрутированные в своё время в Брюссель из Прибалтики и направленные им теперь обратно спасать родные страны от окончательного банкротства. Президентом Литвы с фантастическим результатом в 69% голосов была избрана комиссар ЕС по финансам и бюджету Даля Грибаускайте, а премьер-министром Латвии рекордно долгий срок пробыл член комитета по бюджету Европейского парламента Валдис Домбровскис. Эти политические рекорды брюссельских «варягов», помимо прочего, свидетельствуют о существенном изменении расстановки политических сил в странах Балтии и увеличении факторов европейских дотаций и брюссельских связей в политическом процессе (подробнее см. главу IV).

Приход новых лидеров из Брюсселя был необходим для начала политики радикально жестких мер по отношению к населению для улучшения макроэкономической ситуации

(при этом Домбровскис брал на себя всю ответственность за «шоковую терапию», тогда как Грибаускайте скорее выполняла функцию громоотвода: национального лидера-популиста, прикрывающего крайне непопулярные меры правительства консерваторов).

Под обеспечение и гарантии лично Грибаускайте и Домбровскиса их страны были переведены на искусственное дыхание: дотации из структурных фондов ЕС для балтийских республик составили 20% их ВВП, государственный долг вырос с 16% до 38% по отношению к ВВП в Литве и с 9% до 45% в Латвии.

В Эстонии государственный долг за один год вырос почти вдвое, составив в 2011 году 10% по отношению к ВВП. Впрочем, это самый низкий уровень государственного долга в Евросоюзе: для эстонского правительства данная статистика – повод для гордости.

Одна из крупнейших в мире аудиторских компаний – KPMG – подытожила семилетнюю финансовую перспективу ЕС на 2007–2013 гг. в отчетном докладе «Фонды ЕС в Центральной и Восточной Европе»²⁷. Доклад опирался на информацию филиалов KPMG в 10 странах «новой Европы» за период 2007–2012 гг. Аналитики аудиторской фирмы рассмотрели цели и объемы полученных странами Центральной

²⁷ EU funds in Central and Eastern Europe Progress Report 2007–2012 // <http://www.kpmg.com/CEE/en/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/Documents/eu-funds-in-central-and-eastern-europe-2012.pdf>

и Восточной Европы дотаций из ЕС. Из доклада KPMG следует, что регион ЦВЕ в Евросоюзе остается депрессивным и дотационным: 18% его совокупного ВВП формируется за счет фондов ЕС.

Брюссельское финансирование выделяется странам – членам ЕС из трех основных фондов: Европейского фонда регионального развития (ERDF), Европейского социального фонда (ESF) и Фонда сплочения (CF). Меньше всех зависит от брюссельских дотаций Словения – фонды ЕС там составляют 11,6% ВВП. При этом уровень ВВП на душу населения (частично отражающий производительность труда и благосостояние населения) в этой стране из 10 исследуемых государств выше всего. Аналогичная обратная зависимость прослеживается и в большинстве других случаев, в том числе – в странах Балтии.

Доля евродотаций в ВВП Литвы, Латвии и Эстонии, согласно KPMG, одна из самых больших в ЕС – 20% (больше от структурных фондов зависит только Венгрия – 25,5% совокупного ВВП). При этом подушевой валовой продукт в Латвии и Литве ниже, чем в среднем по региону.

На что выдавались деньги странам Балтии в 2007–2012 годах? Формально – европейская помощь в основном пошла на инфраструктуру. Так, Эстония из 3,5 млрд евродотаций на эти цели получила 2 млрд, Латвия из 4,5 млрд евро – 3,2 млрд, Литва из 6,8 млрд евро – 4,3 млрд. Выделение

средств своим дотационным членам в первую очередь на инфраструктуру – стандартная практика руководства Евросоюза. Мотивация Брюсселя понятна – это стремление заложить основу для самостоятельного роста национальных экономик. Однако в прибалтийском случае эта логика не работает. Инфраструктурные проекты в странах Балтии – это прежде всего закрытие Игналинской и строительство Висагинской АЭС, железнодорожная магистраль Rail Baltica, терминалы сжиженного природного газа, электросмычка с Польшей и Швецией – проекты, подчиненные политическим идеям максимального размежевания с Россией. Рентабельности в этих проектах нет (или она минимальна), потому что в них нет экономики. Безусловно, некоторая часть инфраструктурных дотаций ЕС приносит пользу странам Балтии: за их счет происходит «косметический ремонт» существующей инфраструктуры, вроде частичной модернизации железнодорожного полотна.

Однако в этом случае брюссельские деньги не создают каркас самостоятельной экономики Литвы, Латвии и Эстонии.

«Система не контролирует постоянного потока доходов... К примеру, советская система „сломалась“ где-то в 1965–1967 гг., но продержалась ещё тридцать лет. А литовская модель экономики держится ещё за счет денежных вливаний из ЕС. Сама система не генерирует постоянного потока средств», – поясняла в интервью литовский экономист,

доцент Вильнюсского университета Аушра Мальдейкене²⁸. Можно ли такую модель экономики назвать эффективной и перспективной?

Продолжая параллель г-жи Мальдейкене: советская система экономики смогла функционировать при постоянном падении эффективности ещё 30 лет, пока можно было «гасить» системные экономические проблемы нефтедолларами. Доходы от «нефтяной иглы» в большинстве своем «проедали», вместо того чтобы использовать для модернизации советской экономической системы. Аналогично для прибалтийских экономик характерна «евроигла» – те самые 20% ВВП, формируемые из структурных фондов ЕС. Проблема в том, что они идут на реализацию политических амбиций местных элит и не выполняют своих основных функций.

Сколько протянут страны Балтии, если Центр вдруг по какой-то причине (например, в случае острого экономического кризиса) перекроет им канал получения финансового воздуха?

Этот вопрос целиком на совести правительств и властвующих элит балтийских стран, которые находились на тех же стартовых позициях, что и лидеры Чехии или Словении, а отстали от этих стран уже так же непоправимо, как от Западной Европы. Пока что правящие балтийские элиты, как

²⁸ Аушра Мальдейкене: Литовскую экономику ждет новый «пузырь» // <http://www.rubaltic.ru/article/ekonomika-i-biznes/aushra-maldeykene-litovskuyu-ekonomiku-zhdet-novyy-puzyr28102013/>

и позднее брежневское окружение, предпочитают об этом не говорить. Политик, как известно, думает о следующих выборах, а государственный деятель – о следующем поколении. В Литве, Латвии и Эстонии государственных деятелей во власти не осталось.

7. Великие стройки независимости: геополитика вместо экономики

Для победы над «Великой депрессией» Рузвельт в США строил автомобильные дороги, трудоустраивая таким образом безработных и создавая своей стране транспортную инфраструктуру. Большие инфраструктурные проекты в условиях экономического кризиса затеваются и в Прибалтике, однако с антикризисной политикой их там никто не связывает. Эти проекты имеют не экономический, а геополитический и идеологический характер: они подчинены идее инфраструктурного размежевания с Россией, которая была системообразующей частью единого народно-хозяйственного комплекса СССР (в который входили и советские Литва, Латвия и Эстония), и интеграции в инфраструктурный комплекс ЕС. Экономика в этих проектах вторична – они не могут окупиться и приносить прибыль. Однако насквозь советское по своему генезису руководство стран Балтии всё равно настаивает на их строительстве: по идейным соображениям. Похожим образом в позднем СССР затевали «великие стройки социализма»: гигантские нерентабельные проекты вроде Байкало-Амурской магистрали или «поворота рек», создавать которые требовала логика экстенсивного развития, после сталинской индустриализации давно не актуальная. Точно так же сейчас в Прибалтике гигантские для ма-

леньких стран проекты в сфере транспорта и энергетики затевают, не обосновывая бизнес-план, а выкрикивая громкие лозунги об «энергетической независимости от России» и «дороге в Европу».

Висагинская АЭС

После окончательного закрытия Игналинской АЭС в 2009 году и автоматически последовавшей за этим монополии «Газпрома» на литовском энергетическом рынке генеральной задачей литовского государства было провозглашено «обретение энергетической независимости от России». Для этого было решено строить новую атомную электростанцию на месте старой, остановленной. Новую электростанцию планировалось построить «в складчину», и энергию она, согласно проекту, должна была поставлять во все три страны Прибалтики.

Литва пригласила в проект Латвию с Эстонией, пролоббировала софинансирование проекта из Брюсселя и искала внешнего инвестора. Правительство социал-демократов во главе с Гедиминасом Киркиласом (2006–2008) сформировало специально для Висагинского проекта национального энергетического инвестора LEO LT, затем правительство консерваторов во главе с Андриусом Кубилиусом (2008–2012) его распустило и предложило проект с привлечением японской компании Hitachi Nuclear. Затем социал-демократы, чтобы вернуть власть себе, настояли на проведении од-

новременно с выборами в Сейм референдума по Висагинской АЭС. На референдуме 65% избирателей проголосовали против строительства атомной станции. Тогда перешедшие в оппозицию консерваторы задействовали своё влияние на президента страны Далю Грибаускайте, которая стала самым решительным лоббистом Висагинского проекта. Социал-демократы дрогнули, не выдержав бескомпромиссности и напора г-жи президента, и стали путано объяснять, что референдум носил совещательный характер и ничего ещё окончательно не решено. Потом договорились дождаться заключения энергетических экспертов. Потом дата публикации экспертных заключений всё время откладывалась. Потом тема с экспертами как-то сама собой сошла на нет...

В итоге строить атомную станцию пока так и не решили. Но и не строить тоже не решили. «Да» и «нет» не говорить. «Всё смешалось в доме Облонских».

Политический абсурд в данном случае является следствием абсурда экономического. Висагинскую АЭС никак не могут начать строить, потому что в заданных условиях её просто невозможно построить.

На реализацию Висагинского проекта требуется около 5 млрд евро. Таких денег в бюджете Литвы даже близко нет, также как в бюджетах Латвии и Эстонии, для которых перспектива участия в сомнительном проекте выглядит всё менее привлекательной.

Вероятность вовлечь в проект внешних инвесторов после

провала сотрудничества с Hitachi стремится к нулю, так же как шансы решить вопрос с финансированием за счет переживающего финансовые трудности Европейского союза.

Немаловажен вопрос о сроках реализации проекта. Висагинскую АЭС планировалась запустить к 2020 году. К этому времени в южной части региона Балтийского моря уже будут действовать несколько электростанций, которые как раз строятся, и энергодефицит в нем сменится избытком энергии. Здесь встает вопрос об экономической рентабельности и конечной окупаемости литовской АЭС.

«Точная стоимость проекта неизвестна, однако в литовской прессе упоминается цифра 5 млрд евро как минимальная. Это означало, что затраты каждого государства колеблются в пределах от примерно 1 млрд евро для Эстонии и Латвии до 2 млрд евро для Литвы. Стоимость „входного билета на АЭС“ в этом варианте доходила до 20% расходной части бюджета указанных стран. Именно это обстоятельство, а не референдум, в конечном счете и похоронило проект», – пишет о проекте Висагинской АЭС профессор кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета Николай Межевич²⁹.

«Литовские СМИ недавно публиковали мнения энергетиков (а не политиков) из соседних стран – оказалось, что дан-

²⁹ Николай Межевич. Энергетика в Российском регионе // Отношения России и стран Прибалтики // http://imhoclub.lv/ru/material/energetika_v_baltijskom_regionе

ный блок не подходит нашей энергосистеме. Эстония уже строит два блока для сланцевого газа по 300 мегаватт. Латыши построили один блок, идентичный нашему, в Электрэнэй. Они удовлетворили свои потребности на ближайшие 5 лет. Потребность за последнее десятилетие не выросла ни в одной из стран Балтии», – говорит о проекте Висагинской АЭС почетный член литовского комитета Мирового совета по энергетике Альгирдас Стумбрас³⁰.

Тем не менее некоторые литовские политики до сих пор уверенно говорят, что Висагинская АЭС будет построена, а первый энергоблок заработает уже в 2020 году. Публично высказываться против Висагинского проекта в Литве небезопасно, можно навлечь на себя гнев президента Дали Грибаускайте (последняя в 2013 году добилась увольнения министра экономики, публично заявившей об экономической несостоятельности проекта АЭС). Но и публично возмущаться тем, что АЭС всё никак не строится, тоже ни к чему – так можно оказать властям «медвежью услугу»: они ведь просто не могут начать её строить по техническим и финансовым соображениям. Остается только выражать непоколебимую уверенность, что атомная станция, несмотря ни на что, всё-таки будет построена. Как говорил раннехристианский проповедник Тертуллиан: «Верую, Господи, ибо абсурдно».

³⁰ Стумбрас: «Проект Висагинской АЭС вызывает уже не злость, а смех» // <http://www.rubaltic.ru/article/energetika-i-transport/31072014-stumbras/>

Rail Baltica

Rail Baltica – это железная дорога с использованием стандартной европейской колеи, которая должна соединить Прибалтику с остальной Европой. Единая европейская колея пройдет через Таллин, Ригу, Вильнюс и Варшаву, и далее – на Берлин и Западную Европу. В планах также строительство подводного железнодорожного тоннеля между Таллином и Хельсинки, чтобы железной дорогой с Единой Европой была соединена и Скандинавия.

Rail Baltica – приоритетный инфраструктурный проект балтийских стран и Польши, который планируется реализовать при софинансировании ЕС (железная дорога является частью проекта Еврокомиссии по созданию панъевропейских транспортных коридоров в странах Центральной и Восточной Европы). Первоначальная стоимость проекта составляла 3,6 миллиардов евро: малую часть этих средств должен покрыть европейский структурный фонд, а основная часть будет выделяться из государственного бюджета страны – участницы.

Сомнения в экономической целесообразности проекта Rail Baltica существуют столько, сколько существует сам проект.

Во-первых, эти сомнения связаны с пагубной для любого бизнеса крайней неопределенностью по срокам реализации (руководитель проекта Индрек Сирп, например, заяв-

лял, что при самом оптимистичном сценарии поезда по Rail Baltica начнут ходить в Европу не ранее 2023–2024 гг.).

Во-вторых, с элементарным отсутствием финансирования. По мнению бывшего министра транспорта Латвии Улдиса Аугулиса, проект Rail Baltica становится реалистичным только при условии софинансирования ЕС на 60%, тогда как стандартное софинансирование Брюсселем инфраструктурных проектов в рамках программы TEN-T не превышает 10–12%. У балтийских стран оставшихся денег нет и в помине.

В-третьих, и в-главных, с сомнением в окупаемости и рентабельности железнодорожной колеи. «Понятно, что такой проект окупиться не может, поскольку на этом направлении нет грузов. Нужно серьезно взвесить, если ли смысл тратить 1,2 миллиарда на одну остановку для поезда в Риге», – говорит У. Аугулис о планах строительства общей «узкоколейки» от Хельсинки до Варшавы³¹.

Тем не менее, вопреки всем сомнениям, министры транспорта Литвы, Латвии, Эстонии, Польши и Финляндии уже подписали декларацию о создании совместного предприятия для реализации проекта Rail Baltica, а Литва единственная из стран – участниц проекта, которая уже прокладывает колею Rail Baltica от границы с Польшей до Каунаса. Колея

³¹ Аугулис: нужна ли Латвии железнодорожная станция за 1,2 млрд евро // <http://www.delfi.lv/biznes/bizopinion/augulis-nuzhna-li-latvii-zheleznodorozhnaya-stanciya-za-12-mlrd-evro.d?id=41159981#ixzz3JNnWbpti>

должна быть завершена до конца 2015 года.

Впрочем, о Rail Baltica официально честно говорится, что это проект геополитический, а его экономическая целесообразность вторична. «Проект Rail Baltica является в первую очередь приоритетным проектом Европейского союза и важен с геополитической точки зрения при формировании сети трансъевропейских грузовых железнодорожных коридоров. О его экономической окупаемости сложно судить на данном этапе его внедрения. Однако полагаем, что экономического эффекта он достигнет лишь при создании определенных условий, таких как принятие соответствующих решений на политическом уровне, стимулирующих развитие грузовых железнодорожных перевозок и создание здоровой и честной конкуренции с другими видами транспорта», – заявляет директор Департамента по развитию АО «Литовские железные дороги» Виргилиус Ястремкас.

Получается чистой воды БАМ – железная дорога, которую надо построить не потому, что это будет выгодно, не потому, что на выбранном направлении необходимо создать инфраструктуру для перевозки грузов, а потому, что во имя европейской интеграции Скандинавию и Прибалтику с остальной Европой должна соединять железная дорога с узкой колеей. Rail Baltica – отличный аргумент для правоконсервативных евроскептиков, считающих, что Европейский союз вырождается в Советский. В СССР тоже «закапывали» деньги в абсолютно не окупаемых гигантских стройках типа Бай-

кало-Амурской магистрали, по которой потом нечего было в столь огромных масштабах возить³². Тем не менее прибалтийские руководители, рассчитывающие стимулировать развитие железнодорожных грузовых перевозок с помощью политических решений (то есть принуждать бизнес перевозить грузы железной дорогой, а не фурами), и брюссельские чиновники, дающие деньги на заведомо нерентабельный идеологический проект, в своем советском мышлении прекрасно понимают друг друга.

Сланцевый газ и терминалы СПГ

Был такой Джордж Митчелл, гражданин США, сын греческого иммигранта. Энтузиаст: 18 лет занимался бурением на своем земельном участке, экспериментируя с методами добычи газа из сланцевых пород. В конце концов, путем сложных и опасных опытов, ему удалось получить оптимальную комбинацию, позволяющую добывать сланцевый газ с выгодой. С тех пор Джордж Митчелл – «отец сланцевой революции».

На первый взгляд, образцовая история про американскую мечту: чудак-изобретатель возился-возился в своем гараже

³² Правда, БАМ затевался в первую очередь как проект военно-стратегический: единственная крупная коммуникация в регионе – Транссибирская магистраль – проходила слишком близко от советско-китайской границы, а отношения с Китаем в то время были напряженные. Однако идеологическими соображениями (как в случае с Rail Baltica) советские руководители не только не руководствовались, но и не обосновывали ими необходимость строительства дороги для населения.

с портретом Бенджамина Франклина (тоже изобретателя) и придумал, например, конвейерную сборку для своей машины «Форд». Однако исследования нетрадиционных методов добычи энергии в конце 80-х активно стимулировались федеральным правительством, которое напрямую дотировало дорогостоящие эксперименты со сланцами. Тем более несостоятелен миф о глобальности «сланцевой революции»: она оказалась исключительно американским явлением, а все попытки добывать сланцевый газ в Европе последовательно провалились.

В частности, они провалились и в Прибалтике.

Правда, в Эстонии с 50-х годов существовала практика добычи горючих сланцев – одно время эстонскими сланцами даже отапливали Ленинград. Однако горючие сланцы не имеют ничего общего с методом гидроразрыва пласта с последующей закачкой туда химических реагентов, а именно такой проект добычи в Литве сланцевого газа по методу Митчелла провалился с треском.

Возможность добывать в Литве сланцевый газ обсуждалась в Литве с 2010 года. Осенью 2012 года американская компания Chevron Global Energy приобрела 50% акций компании LL Investicijos, которой принадлежит нефтяное месторождение на литовском побережье, с целью начала разведки сланцевых месторождений. Тогдашний премьер-министр Литвы от партии консерваторов Андриус Кубилиус сделал по этому поводу бравурное заявление, что «если подтвердится

теоретическая информация о ресурсах сланцевого газа, то Литва в будущем, возможно, может стать Дубаем или Катаром».

В течение следующего года сланцевый газ вошел в число самых модных тем литовской политики. Сейм Литовской республики принял поправки к закону о земных недрах, позволившие Вильнюсу заключить с Chevron договор о разведке сланцевого газа. Правительство открыто лоббировало интересы сланцевой энергетики, отказавшись весной 2013 года от законопроекта Комитета Сейма по вопросам защиты окружающей среды обложить сланцевый газ тарифом в 40%. Новый премьер-министр от социал-демократов Альгирдас Буткявичюс несколько раз встречался с представителями американской энергокомпании, каждый раз подчеркивая необходимость разработки в Литве сланцевых месторождений.

Зачем Литве разработка сланцевых месторождений, определенное всех из литовских политиков высказывалась президент страны Даля Грибаускайте – каждое упоминание сланцевого газа в её выступлениях неизменно делалось в контексте «обретения энергетической независимости от России».

Примечательно, что эти разговоры не остановила даже публикация отчета Агентства энергетической информации США в июне 2013 года, согласно которому имеющихся в Литве запасов сланцевого газа, которые возможно добыть

при использовании современных технологий (около 10 млрд кубометров), республике хватит на три года. С такими мизерными объемами не имеет смысла начинать добычу газа, потому что газ закончится, даже не успев окупить затрат на инфраструктуру, необходимую для его добычи. Менеджеры Chevron, в отличие от литовских политиков, оказались способны просчитать экономическую выгоду от проекта, а также принять в расчет неразвитую правовую базу и возможные экологические протесты населения. В результате Chevron заявил о том, что выходит из конкурса на разведку и добычу сланцевого газа на западе Литвы. Других желающих добывать в Прибалтике сланцевый газ не было изначально.

Более успешным проектом оказалось строительство под Клайпедой СПГ-терминала – 27 октября 2014 года в Клайпедский порт зашло судно «Independence» («Независимость»), на которое будет поставляться сжиженный природный газ. Ещё один плавучий СПГ-терминал планируют построить Эстония и Финляндия: терминал «Balticconnector» планируется построить до 2019 года, его стоимость оценивается в 200 миллионов евро.

Что касается литовского СПГ-терминала, то экономического смысла у этого проекта, опять же, нет никакого: он затевался для того, чтобы отказаться от дорогого российского газа, однако сжиженный природный газ из Норвегии Литве обойдется ещё дороже продукции «Газпрома».

«В настоящий момент около 40% всего европейского импорта газа в Евросоюз приходится на Россию, и ЕС платит за это около 53 млрд долларов в год», – указывается в докладе брюссельского аналитического центра «Брейгель» (Bruegel). Аналитики «Брейгеля» утверждают, что при нынешнем уровне цен на сжиженный природный газ для того, чтобы сделать европейские цены конкурентоспособными для привлечения трансокеанских поставок СПГ в страны Европейского союза, цена на газ в Европе должна вырасти более чем в два раза. «Все возможности для диверсификации поставок газа (в Европу) будут наличествовать лишь ближе к концу текущего десятилетия. Кроме того, вследствие иссякающих запасов „голубого топлива“ в Европе, на энергоносители из России будет большой спрос и в 2030 году», – пишет директор Европейского центра энергетической и сырьевой безопасности (EUCERS) Фридберт Пфлюгер.

Характерная деталь этой истории: литовских потребителей на законодательном уровне обязали закупать для своих нужд 25% энергоресурсов с нового СПГ-терминала. Та же история, что с Висагинской АЭС и Rail Baltica: при всех разговорах об открытом обществе, свободном ценообразовании и рыночной конкуренции, как только доходит дело до практических мер, так за лощеными лицами демократических лидеров свободной Балтии проступают вчерашние замполиты по идеологии, секретари райкомов и преподаватели марксизма-ленинизма (см. главу 4).

Газопровод GIPL

Еще один проект в рамках стратегии «обретения энергетической независимости от России» – газопровод «Польша – Литва», после строительства которого газ в Прибалтику будет поступать через Польшу. Как и в случае предыдущих проектов, вопросы цены, выгоды и технических деталей строительства польского газопровода отходят на второй план по сравнению с политическими соображениями. «Страны Балтии в настоящее время недостаточно диверсифицированы в плане маршрутов поставки газа и полностью зависят от единственного поставщика природного газа, а именно России. Соединение с газовым рынком ЕС может значительно повысить безопасность поставок газа для этих государств – членов ЕС», – говорится в презентации проекта польской компанией «Gas System», прямо объясняющей необходимость строительства газопровода политикой.

Официально предполагается, что газ в польский газопровод будет поступать из СПГ терминала в Свиноуйсьце. Отсюда, естественно, возникает вопрос: а зачем тогда Литва и Финляндия с Эстонией строят собственные терминалы СПГ? Тем более что польский терминал, в отличие от терминала в Клайпеде, так до сих пор и не построен. Возникают естественные предположения, что газ в польско-прибалтийскую трубу будет закачиваться российский, чтобы страны Балтии получали продукцию «Газпрома» не напрямую от

производителя, а реверсом из Польши. Вопросы об адекватности собственных прибалтийских СПГ-терминалов это всё равно не снимает, однако Еврокомиссия софинансирует все эти проекты одновременно. Что опять ребром ставит вопрос о рациональности брюссельской бюрократии.

8. Раздвоение Прибалтики: Евразийский союз и транспортно- логистическая инфраструктура Литвы, Латвии и Эстонии

Отмежевание от российской инфраструктуры понимается властями стран Балтии как средство для достижения независимости от России вообще и отставания своего «европейского выбора». Но и Россия в свою очередь последовательно проводит политику размежевания со странами Балтии в сфере логистики.

Проект строительства в Калининградской области хаба – глубоководного комплекса для крупных контейнеровозов и судов типа «ро-ро» – связан, в том числе, с намерением перенаправить поток российских грузов из Клайпеды в российский порт, так же как модернизация российских портов в Финском заливе связана с намерением перенаправить туда грузопотоки из Риги и Таллина. Сюда же можно отнести проект газопровода «Северный поток», проходящего по дну Балтийского моря в обход «стран-транзитеров».

Результаты уже сказываются. По статистике Клайпедского порта за январь – апрель 2014 года, грузооборот в порту упал на 1,6%, а грузооборот нефтеналивного терминала Бутинге сократился на 34,5%, что является рекордным падением

для морских портов стран Балтии. Такая ситуация явно стала следствием за пределами антироссийской внешней политики Литвы (весной 2014 года президент Даля Грибаускайте дошла до предложения к партнерам по НАТО рассмотреть на предмет применения против России пункт о коллективном отражении агрессора – объявить ей войну, проще говоря). В ответ в России, судя по всему, вспомнили популярный ещё в 90-е годы парадокс: мы им работу даем, перевозим через них наши грузы, а они на наши же деньги ведут против нас антироссийскую политику.

В том числе для того, чтобы избавиться от транзитной монополии стран Балтии в России в прошлом десятилетии были построены грузовые морские порты в Ленинградской области. В 2001 году в Финском заливе был открыт порт Усть-Луга, был приватизирован Выборгский порт. Теперь Россия при желании может вовсе отказаться от прибалтийского транзита. А ведь к санкциям России могут присоединиться и другие страны Евразийского экономического союза.

«Беларусь заслуживает человеческого отношения от Литвы. Мы им деньги даем – переваливаем товары через порты Литвы, даем людям работу», – заявлял в прошлом году президент Белоруссии Александр Лукашенко, комментируя обострения в отношениях Минска с Вильнюсом. У Белоруссии действительно есть серьезные основания разорвать экономическое сотрудничество с Литвой: чего стоит только подготовка Вильнюсом в 2006 году «оранжевой революции»

в Минске и обучение на своей территории белорусских диссидентов акциям протеста.

Характерно и то, что по проектам строительства атомных электростанций в Балтийском регионе сотрудничество наблюдается строго по двум антагонистическим линиям: «Россия – Беларусь» и «Польша – Литва». При том обилии противоречий, которое существует внутри этих двух пар, между ними существует стратегическое согласие по вопросу об интеграции в рамках одного экономического пространства.

Таким образом, наблюдается углубляющийся процесс «раздвоения Прибалтики», когда вместо одного Балтийского региона, относительно единого в плане инфраструктуры, возникают два: Балтийский регион ЕС (Евросоюза) и Балтийский регион ЕвразЭС (Евразийского союза).

К первому Балтийскому региону будут относиться северные воеводства Польши плюс Литва, Латвия и Эстония. Ко второму – граничащие с ними субъекты Российской Федерации и западные области Белоруссии. В политическом плане эти территории давно уже нельзя объединять в один регион, но целенаправленная политика ослабления экономических связей дает основания прогнозировать разрушение Балтийского региона как относительно единого экономического пространства.

Этот процесс обусловлен не только политикой: да, страны Балтии боятся «имперских амбиций» России, а Россия

считает страны Балтии рассадниками неонацизма и главными носителями русофобии в Восточной Европе. Однако в долгосрочной перспективе процесс инфраструктурного разделения Балтийского региона связан со стратегическим курсом балтийских стран на интеграцию в европейское пространство и стратегическим курсом России на экономическую реинтеграцию постсоветского пространства. Поэтому вместо объединявшей страны региона Игналинской АЭС проектируется Балтийская АЭС для Калининградской области и Висагинская АЭС для Литвы, Латвии и Эстонии. Для трех балтийских государств этот процесс означает только потерю оставшихся источников экономического развития: транзита и энергетической кооперации. Все возможности для экономического роста за счет использования старых связей, оставшихся от советского народно-хозяйственного комплекса, по завершении процесса инфраструктурного размежевания Прибалтики на две части будут утеряны.

9. Поздно пить «Боржоми»: скандинавская оккупация вместо возрождения экономики

Экономический кризис в Прибалтике, вопреки попыткам местных политиков сотворить вокруг него новую мифологию, не был следствием одного лишь мирового кризиса 2008 года, отразившимся на Литве, Латвии и Эстонии. Он не был и следствием банального «перегрева» балтийских экономик, чересчур быстрое развитие которых выбило из колеи рынок ипотечной недвижимости и банковский сектор. Тем более тщетны попытки доказать, что балтийские страны усилиями местных правительств преодолели кризис и снова развиваются семимильными шагами. Об обратном свидетельствует, в первую очередь, не останавливающаяся эмиграция.

В 2008–2009 годах не просто лопнул «кредитный пузырь»: кризис и последующее посткризисное восстановление показали, что модель постсоветского экономического развития стран Балтии в принципе исчерпала себя. Чем дальше, тем больше становится очевидным, что в рамках нынешней модели экономики новое «экономическое чудо» в Прибалтике уже невозможно.

В начале 90-х годов прибалтийские лидеры провозгла-

сили генеральной экономической задачей интеграцию своих стран в глобальную открытую экономику и их переход в постиндустриальную эру. С первой задачей справиться, безусловно, удалось: балтийские экономики – часть глобальной, на них всегда отражаются как позитивные, так и негативные тенденции на мировом рынке; наконец, для закрепления открытости и вовлеченности в глобализацию Эстония, Латвия и Литва одна за другой отказались от своих кроны, лата и лита, перейдя на евро.

С переходом в постиндустриальную эру возникают вопросы. Разрушительную часть этой программы выполнить удалось блестяще. Прибалтийская промышленность уничтожена: легче подсчитать, что там осталось, чем то, что было уничтожено. Однако заводы – производители «Рижского бальзама» или литовского сыра «Сваля», латвийская шоколадная фабрика «Лайма» или эстонский производитель ремней безопасности «Норма» не могут восполнить ущерб от ликвидации индустриального потенциала Прибалтики.

Что было создано взамен распиленных в прямом и переносном смысле советских и досоветских заводов? Практически ничего. Теория постиндустриальной экономики всё-таки предполагает сохранение и промышленности, и сельского хозяйства, которые в лучшем случае переносятся в страны «третьего мира». Просто в них по мере развития технического прогресса должно быть задействовано несущественно малое число работников, а основная часть трудоспособно-

го населения должна работать в сфере услуг или заниматься творческим производством.

Последний пункт окончательно добивает надежды Литвы, Латвии и Эстонии стать балтийскими Гонконгом, Сингапуром и Южной Кореей.

Потому что за последние четверть века они сознательно уничтожили не только сельское хозяйство и промышленность, но и самое главное – человеческий потенциал.

Концепция экономики знаний основана на убежденности в бесконечных созидательных способностях человека, а для реального построения такой экономики нужна критическая масса способных к инновационной деятельности людей. Такая критическая масса достигается либо за счет внутренней и внешней иммиграции, «утечки мозгов» (ЦЕРН в Швейцарии, Кремниевая долина в США), либо за счет стремительно растущего, молодого общества, способного породить критическую массу нестандартно мыслящих людей, которых хватит для создания экономики, основанной на инновациях (Юго-Восточная Азия, а теперь ещё и Китай).

Для Прибалтики неприменимы оба этих пути. Разумеется, эстонские программисты участвовали в создании Skype, и это едва ли не главная национальная гордость для небольшой Эстонской республики за многие годы. Однако на национальной экономике создание суперуспешного инновационного продукта практически не отразилось, потому что один в

поле не воин: в реально работающей экономике знаний производство инновационной продукции должно осуществляться непрерывно. В Эстонии же, а тем более в Латвии и Литве возможности для создания новых «Скайпов» год от года сжимаются, как шагреновая кожа.

Прибалтийские народы неспособны породить поколение гениев-изобретателей: рождаемость там критически низкая, а цифры эмиграции фантастически высоки. Из Прибалтики мечтает (и даже не только мечтает, но готовится) уехать абсолютное большинство молодежи: о какой балтийской Южной Корее здесь можно говорить? По уровню жизни и основным показателям социального благополучия страны Балтии вот уже третье десятилетие занимают последние места в Европе: избавление от «советской оккупации» приблизило их к Франции или Дании только в плане общего членства в Евросоюзе и возможности свободного перемещения по Европе. Однако рассчитывать на то, что новый ЦЕРН возникнет не в Швейцарии, а, например, в Каунасе, было бы по меньшей мере странно.

Поэтому постиндустриальная эра по-прибалтийски – это не экономика знаний, а «экономика прислуги», как назвал это явление экономист Джефф Фуу.

Сфера услуг в регионе – две трети экономики стран Балтии, только что это за услуги? Операции с недвижимостью, посреднические операции, банковские кредиты... Успешная и стабильная экономика дешевых кредитов – это такой же

нонсенс, как успешная и стабильная экономика «финансовых пирамид». Латвия, Литва и Эстония в экономической истории были среди тех, кто пытался доказать обратное, но последний мировой кризис всё расставил по своим местам.

Поэтому развиваться так, как они развивались до кризиса, страны Балтии больше не могут: спекулятивный заемный капитал из Евросоюза к ним уже не придет, потому что в Европе тоже изменилась экономическая ситуация, а в Прибалтике больше нет того потребительского рынка и того социального оптимизма, под которые мог бы прийти этот капитал.

Может ли Прибалтика вернуться к реальной экономике вместо экономики «мыльных пузырей» (к которым относятся не только дармовые кредиты на потребление, но и относительно благополучное существование за счет дотаций ЕС)? Для этого ей нужно сделать две взаимосвязанные вещи: во-первых, наладить стратегическое партнерство с Россией, во-вторых, возродить старые и создать новые промышленные предприятия, а также всерьёз взяться за воссоздание сельского хозяйства.

Но в условиях современных Литвы, Латвии и Эстонии всё это – утопия.

В регионе больше нет такого количества рабочих рук, которые работали бы на возрожденных к жизни фабриках, заводах и хуторах. Возможный выход из ситуации – создавать новые предприятия, самим завозя гастарбайтеров. С Восто-

ка. Это для Европы условия жизни в Прибалтике – самая нижняя планка, а турки и китайцы туда поедут, как в землю обетованную. На практике этот сценарий невозможен. Во-первых, кто же рискнет завозить в регион китайцев, когда живых носителей эстонского языка осталось уже менее миллиона человек, и они ещё и норовят уехать в Финляндию? Исторический страх литовцев, латышей и эстонцев перед славянскими народами был связан не только с драматическим несовпадением темпераментов, но и с драматическим несовпадением численности. Представить, что теперь правители трех национальных государств, официальной целью существования которых провозглашено сохранение вымирающих титульных наций, ради возрождения реальной экономики станут радикально перекраивать этническую структуру своих стран, просто невозможно.

А во-вторых, кому будущие прибалтийские предприятия станут сбывать свою продукцию? На Западе все рынки заняты, а отношения с Россией сознательно и методично портятся правящими элитами – на возможность экономической кооперации на Востоке исторически поставлено табу.

Последний пункт делает невозможным и второй возможный сценарий – задействование потенциала экономического сотрудничества с Россией и другими странами Евразийского Союза. В XX веке этот потенциал в полной мере использовала Финляндия, превратившаяся в итоге из такой же отста-

лой аграрной национальной окраины Российской империи, как Прибалтика, в одну из инновационных экономик мира.

Однако для правящих националистов Литвы, Латвии и Эстонии «финляндизация» – это кошмар: призывы к прагматическому, деловому подходу в отношениях с восточным соседом они автоматически приравнивают к кремлевской пропаганде, а тех, кто ведет такие разговоры, – к агентам Путина.

В последнее время отношения стран Балтии с Россией только деградируют, и экономические отношения в том числе. В Литве потенциальных российских инвесторов обязали проходить через проверку спецслужб. В Латвии радикальные националисты в новом Сейме добились отмены программы «ВНЖ в обмен на инвестиции», по которой Латвийская республика предоставляла российским инвесторам в её экономику виды на жительство в Евросоюзе. В ответ на абсолютно антироссийскую политику Литвы Москва весной 2014 года блокировала импорт продовольствия через Клайпеду.

Вопреки многочисленным предостережениям прибалтийские лидеры настаивали на введении экономических санкций против России – добились введения Россией ответных санкций, запрещающих импорт продовольствия из стран ЕС, в том числе из Литвы, Латвии и Эстонии. Под удар попали последние эффективные сферы реального сектора экономики: транзит грузов и пищевая промышленность. И то, и другое исторически связано с Россией: кроме как с востока

или на восток грузы из морских портов Клайпеды, Лиепаи, Вентспилса, Риги и Таллина переправляться не могут, да и других рынков сбыта, кроме российского, для литовской молочной продукции или латвийских и эстонских шпрот за 20 с лишним лет в глобальной экономике найти не удалось.

Но прибалтийские политические деятели ради своей антироссийской позиции согласны жертвовать и сохранившимися ресурсами для экономического развития за счет хороших отношений с Россией. Населению это объясняется опасностью повторной, «мягкой оккупации» стран Балтии с помощью российских денег.

Однако в долгосрочной перспективе против экономической географии, так же как и против истории, не попрешь, и в результате сознательного отказа Литвы, Латвии и Эстонии от развития собственных экономик повторная «мягкая оккупация» Прибалтики происходит уже сейчас.

Только происходит она с другой стороны. Не с Востока, а с Севера.

В Латвии из десяти самых крупных владельцев земли девять – это скандинавские компании, и только одна – латвийская. Крупнейшая – норвежская Storebrand Livsforsikring AS – за три года кризиса увеличила совокупную площадь своих земельных участков в Латвии более чем в 10 раз. Абсолютное большинство коммерческих банков в Литве и Латвии принадлежит шведам, в Эстонии – финнам. Крупней-

шие банки в современной Прибалтике – это шведские SEB, Nordea и Swedbank (они, собственно, и выдавали ничем не обеспеченные кредиты в «жирные годы»). Наконец, скандинавы – это главные собственники прибалтийских средств массовой информации. Например, группа информационных порталов Delfi, (крупнейшие интернет-СМИ Литвы, Латвии и Эстонии) принадлежат шведской компании TeliaSonera AB.

Экономическое доминирование скандинавов всё чаще оборачивается ростом их политического влияния (из-за чего в странах Балтии так боятся российских инвестиций). Уже упоминавшийся пример из книги мэра Таллина Эдгара Сависаара: эстонские власти сознательно отказывались регулировать «перегретый» рынок ипотечного кредитования, поскольку имели личный интерес в бизнесе шведских и финских банков. В Литву медийный концерн TeliaSonera привел близкий друг литовского президента американского происхождения Валдаса Адамкуса – миллиардер Юозас Казицкас, также вышедший из литовской диаспоры США. Казицкас финансировал «Саюдис», был посредником при продаже Мажейкяйского НПЗ американцам и всячески способствовал попаданию наиболее русофобских кругов литовской элиты в западный истеблишмент, в котором пользовался огромным авторитетом.

Случайность ли, ввиду этих фактов, что сейчас литовский портал Delfi – крупнейший новостной онлайн-ресурс рес-

публики – является рупором «ястребов» и за пределами анти-российским СМИ? Случайность ли, что после покупки русскоязычного латвийского канала ТВ-5 шведской компанией MTG там была разогнана старая русскоязычная редакция и уволены наиболее дерзкие по отношению к официальным властям сотрудники? Председателя Союза журналистов Латвии экономгеографа Юриса Пайдерса уволили с поста главного редактора принадлежащей шведскому же медиаконцерну Bonnier газеты «Dienas Bizness» за книгу «Нет Европе!», в которой он выступал, в частности, против политики Евросоюза по раздуванию «кредитного пузыря»...

Правящие политики Прибалтики всегда называют свои страны Северной Европой, отказываясь считать себя Восточной Европой, а тем более постсоветским пространством. В известном смысле они правы: если посмотреть на скандинавское присутствие в экономиках Литвы, Латвии и Эстонии, то эти страны можно смело считать частью Скандинавии. На правах колоний. Скандинавия – это самая успешная и быстро развивающаяся экономически и демографически часть Балтийского региона. Прибалтика – самая отсталая и быстро деградирующая. И присутствие Скандинавии в Прибалтике только увеличивается³³.

³³ Поэтому вызывают большие подозрения геополитические конструкции официальных патриотов (например, литовских консерваторов), которые, говоря о независимости от России, тут же говорят о некоей Балто-Скандии, которая противопоставляется стратегическому партнерству не только с Россией и Беларусией, но даже с Польшей. Выражаясь их же языком, «не чувствуется ли в подоб-

Так что сама логика исторического развития не дает Литве, Латвии и Эстонии рассчитывать на сохранение столь дорогой им независимости. Во всяком случае, реальной, а не формальной независимости.

При сохранении нынешнего, инерционного сценария развития Прибалтики после «700 лет немецкого ига» и «50 лет советской оккупации» эту территорию в долгосрочной перспективе ждет окончательная скандинавская колонизация. Если же что-то в международных процессах радикально изменится (распадется Евросоюз или у него не останется денег для поддержания на плаву своих депрессивных членов из дотационных фондов), то, возможно, эту территорию будут осваивать другие.

Но в любом случае именно территорию, потому что при сохранении нынешних тенденций коренного населения в Латвии или Эстонии через 40 лет не останется. Под ту экономику, что построили в Прибалтике за последние четверть века, просто не нужно много населения. А для того чтобы страны Балтии были субъектами, а не объектами в глобальной экономике, их национальные экономики с самого начала должны были строиться совершенно по-другому.

Глава III

Балтийская идеократия: антисоветизм и историческая память как идеологические основы Литвы, Латвии и Эстонии

*В Прибалтике перевели «Камасутру» –
получилась «Оккупация».
Прибалтийская шутка*

Официальная идеология стран Балтии – это политика, опрокинутая в их прошлое. Власть в этих государствах почти не говорит о насущных проблемах и тем более не предлагает своим гражданам какой-то модели развития, образа будущего. Национально-государственное строительство в Литве, Латвии и Эстонии заключается в болезненной ненависти ко всему советскому (а за ним и к русскому) при патологическом ковырянии в «болячках» своей исторической памяти. В условиях деградирующей экономики и разъезжающегося населения в Прибалтике о застарелых обидах говорят всё больше и больше. Была или не была «советская оккупация», равен ли коммунизм по преступности нацизму, кто стрелял в людей у Вильнюсской телебашни 13 января 1991

года, обещал ли Народный фронт Латвии дать всем русским гражданство, нужно ли сносить памятники советского прошлого – наряду с «угрозой российской агрессии» это самые актуальные и обсуждаемые темы балтийских стран. В условиях, когда настоящее в Латвии, Литве и Эстонии – это их прошлое, нечего удивляться, что у прибалтийских стран нет будущего.

1. Теория оккупации: краеугольный камень прибалтийской государственности

Теория оккупации является основой основ постсоветской идеологии Литвы, Латвии и Эстонии. Точнее, теория трех оккупаций: согласно официальной доктрине Литвы, Латвии и Эстонии, первой «оккупацией» было присоединение балтийских республик к СССР в 1940 году, второй – ввод в Прибалтику гитлеровских войск и основание рейхскомиссариата «Остланд», третьей – вступление в Прибалтику войск Красной армии и окончательное закрепление региона за СССР, в составе которого Литовская, Латвийская и Эстонская ССР и пребывали в 1944–1991 годах. На основании этой теории идеологи современных Литвы, Латвии и Эстонии приравнивают коммунизм к нацизму, провозглашая свои страны и народы жертвами двух тоталитарных режимов.

В официальной истории и идеологии стран Балтии есть ещё один смысловой код – «700 лет немецкого ига». Однако после изгнания из Прибалтики в XX веке остзейских немцев тема угнетения латышей и эстонцев немецкими баронами больше не актуальна.

Зато актуальность фразы про «50 лет оккупации» в современной Прибалтике вечна и неизменна.

Как у средневековых лекарей безоар считался универсальным лекарством от всех ядов, так у постсоветских Литвы, Латвии и Эстонии оккупационная доктрина служит универсальным оправданием на любую критику. Отсталая экономика и уровень жизни ниже среднеевропейского? Это последствия «50 лет оккупации». Коррупция во властных структурах? Это «наследие оккупации». Уничтожение производства? Это «заводы и фабрики оккупантов». Сознательное разрушение партнерства Европы с Россией? Россия как правопреемник СССР должна «компенсировать материальный ущерб за 50 лет оккупации». Лишение русского населения гражданства с его тотальным поражением в правах? Эти люди – «оккупанты и их потомки». И так до бесконечности.

«Лишение русских гражданских прав в международном понимании было таким жестоким делом, что для его „заглушки“ потребовалось столь же сильное пропагандистское оружие. Этим оружием эстонцы провозгласили миф об оккупации, – пишет финская журналистка Леэна Хиетанен. – Миф об оккупации стал оправданием фашистского правительства апартеида. Но мир никогда *de jure* не признавал этой Эстонии апартеида, построенной Леннартом Мери и Мартом Лааром на мифе об оккупации»³⁴.

Однако «советская оккупация» является оправданием не

³⁴ Финская журналистка: музей оккупации отрицает холокост // <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/finskaya-zhurnalistka-muzej-okkupacii-otricaet-holokost?id=19148244>

только для внешнего мира: она служит универсальным объяснением всех системных проблем в развитии стран Балтии для внутреннего потребителя госпропаганды.

Популярный дореволюционный анекдот: в уездный город N приезжает ревизор, осматривается и выговаривает городничему: что же, мол, это у вас стекла все выбиты, заборы покосились, на главной улице лужи грязи и пьяные со свиньями в обнимку лежат? На что городничий ему отвечает: «Так ведь иго было, батюшка! Монголо-татарское иго! Вот мы от Европы на 200 лет и отстали».

В наши дни этот анекдот стал реальностью: в 2013 году министр внутренних дел Эстонии на упрек, что у эстонских полицейских очень маленькие зарплаты, заявил, что это «последствие 50 лет оккупации». Тот случай вызвал много шуток, причем не только в русскоязычной, но и в эстонской среде. Оккупационная доктрина – это такая же обветшавшая и неэффективная государственная идеология, какой в Советском Союзе к концу 80-х стал «развитый социализм». Проблем нынешних, посткризисных стран Балтии она оправдать не может, предложить привлекательную модель будущего – тем более. Но и отказаться от веры в оккупацию постсоветские режимы Литвы, Латвии и Эстонии не в состоянии.

Теория оккупации – это та точка опоры, на которой держится балтийский мир: единственно возможное оправдание того, почему балтийские страны после 1991 года пошли по тому пути, по которому пошли,

и существуют в том виде, в котором существуют.

Поэтому покушение на оккупационную доктрину в странах Балтии совершенно справедливо считается покушением на основы государственности и подлежит уголовному преследованию. Оккупация для Литвы, Латвии и Эстонии – это понятие идеологическое, а не историческое. Почти что религиозный догмат. Критиковать идейную основу национально-государственного строительства попросту небезопасно. Тем не менее в странах Балтии регулярно находятся люди, ставящие под сомнение «факт оккупации 1940 года», и даже не только из русской «пятой колонны».

«Неспособность стран Балтии вести самостоятельную внешнюю политику и внутривластический коллапс, порожденный правящим авторитарным режимом, привели к деморализации общества. Бессловесно принимая все требования Советского Союза и подчиняясь давлению Германии, правительства стран Балтии не учли последствия, вытекающих из действовавшего тогда международного права. Оккупация с помощью двухсторонних договоров и прецедент, когда жертва агрессии постоянно оправдывает действия агрессора, создали положение, определения которому на момент капитуляции в международном праве не было», – пишет эстонский историк Магнус Ильмярв³⁵.

³⁵ Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940-м). – М.: РОССПЭН, 2012.

«Я много думал над тем, что стоит за этим упрямством – ну нельзя же всерьёз надеяться на получение от России хоть какой-то компенсации!? Ответ неожиданно нашёлся в широко известной цитате: нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие, – рассуждает о живучести оккупационной доктрины президент „Балтийского форума“, председатель фракции „Согласие“ в Сейме Латвии Янис Урбанович. – Но нужно ещё объяснить, каким образом авантюрист сумел заставить целую нацию врасплох и без сопротивления взять её в плен, а это неприятно, поэтому власти от подобных разъяснений уходят».

Обе цитаты описывают феноменальное поведение руководства Первых республик, которые своими действиями лишили потомков каких-либо юридических оснований говорить об оккупации: они не просто «сдали Сталину» свои страны без единого выстрела, но сами же приглашали на свою территорию Красную армию, инициировали присоединение к СССР и подписали с советским руководством все необходимые документы, делающие это присоединение полностью легитимным.

Первым на переговоры со Сталиным пошло эстонское правительство. По их результатам 28 сентября 1939 года был заключен Пакт о взаимопомощи, предусматривающий создание на территории Эстонии советских военных баз и раз-

мещение на них советского контингента численностью до 25 тысяч человек. Аналогичные переговоры прошли с Латвией и Литвой: 5 октября 1939 года был подписан Договор о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавший ввод в Латвию 25-тысячного контингента советских войск, 10 октября – «Договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой» сроком на 15 лет, предусматривавший ввод в Литву 20-тысячного контингента советских войск. Аналогичные попытки Москвы договориться о «взаимопомощи» с Финляндией привели к советско-финской войне, в результате которой Хельсинки отстоял свою независимость. Таллин, Рига и Каунас на заключение пактов со Сталиным шли сами...

«На основании дружественного договора, заключенного между Латвией и СССР о взаимной помощи, первые эшелоны советских войск проследовали 29 октября 1939 года через пограничную станцию Зилупе. Для встречи советских войск был выстроен почетный караул с военным оркестром», – пишет 5 ноября 1939 года рижская «Газета для всех». Президент Латвии Карлис Улманис на торжествах в честь Дня независимости Латвии 18 ноября 1939 года приветствует соглашение с Советским Союзом.

В следующем, 1940 году советское правительство обвинит Литву, Латвию и Эстонию в грубом нарушении условий заключенных ранее с СССР Договоров о взаимопомощи

и выдвинет ультиматум: сформировать правительства, способные обеспечить выполнение этих договоров, а также допустить на территорию этих стран дополнительные контингенты войск. Из трех прибалтийских лидеров только президент Литвы Антанас Сметона пытался сопротивляться, но, не получив поддержки собственного правительства, вынужден был бежать в Германию. Карлис Улманис в Латвии и Константин Пятс в Эстонии выполнили все требования Кремля. Летом на улицах прибалтийских городов появились советские танки. На безальтернативных выборах 14 июля в трех республиках победили коммунистические «Союзы трудового народа»: сформированные ими парламенты объявили Литву, Латвию и Эстонию советскими социалистическими республиками и приняли Декларации о вхождении в СССР.

По нормам международного права «оккупация – это временное занятие в ходе войны вооруженными силами государства части или всей территории противника и установление власти военной администрации на оккупированной территории, но без перехода суверенитета над занятой территорией к оккупирующему государству». Между СССР и балтийскими странами в 1939–1940 годах не было состояния войны – советские войска не нападали на эти государства и не занимали их территорию без их согласия. Понятия же «мирной оккупации», которым оперируют политики, историки и публицисты в странах Балтии, в международном пра-

ве нет и не было.

Так что никаких оснований считать события 1940 года оккупацией de jure у прибалтийских политиков нет – им приходится настаивать, что это была оккупация de facto. Тоже не бесспорное утверждение.

Главный аргумент – руководство Литвы, Латвии и Эстонии шло на подписание всех документов со Сталиным под угрозой прямой военной агрессии. Угроза советского вторжения действительно была, однако президенты-диктаторы Первых республик сами санкционировали это вторжение. Более того, они шли навстречу Сталину отнюдь не только из страха перед русскими танками. «Пассивность и непровозглашение мобилизации не были вызваны отсутствием смелости или трусостью. Вопрос был в выборе Пятса и Лайдонера», – утверждает финский историк Мартти Туртола, доказывая, что размещение первых советских военных баз в Эстонии в сентябре 1939 года было сознательным шагом эстонского руководства во главе с Пятсом³⁶.

После начала Второй мировой войны прибалтийские правительства выступили с предложением к Москве провести переговоры по расширению товарооборота: начало войны резко ударило по экономическому положению балтийских республик.

И торговые соглашения стали частью двусторонних Дого-

³⁶ Martti Turtola. Kenraali Johan Laidoner ja Viron tasavallan tuho 1939–1940. Otava, Otavan kirjapaino oy 2008.

воров о взаимопомощи. В случае же Литовской республики огромное значение имеет передача ей Советским Союзом по Договору о взаимопомощи Вильнюса и Вильнюсского края. Так что на расширение советского влияния в Прибалтике местные государства шли с охотой и не без выгоды для себя.

Второй аргумент – нелегитимность выборов 14 июля 1940 года из-за их недемократического характера. Однако, при всех вопросах о соблюдении процедуры выборов и официально объявленных результатах, это были первые настоящие выборы в Литве, Латвии и Эстонии, в которых предыдущие несколько лет господствовали диктаторские режимы Антанаса Сметоны, Карлиса Улманиса и Константина Пятса.

Сохранившиеся свидетельства о настроениях жителей Литвы, Латвии и Эстонии показывают, что в том числе из-за оппозиционности правящим режимам и просоветских настроений больших групп населения политическое руководство не могло решиться на войну с Москвой. «Общее распространение различных настроений в общественном мнении стран Прибалтики довольно четко коррелирует с социальным статусом их носителей. В целом оказывается, что чем беднее тот или иной житель Прибалтики, тем в большей степени он симпатизирует СССР. Конечно, из этой зависимости, безусловно, имеются исключения, однако в целом она именно такова. Учитывая, что подавляющее большинство местного населения жило в бедности, нет ничего удивитель-

ного, что в регионе преобладали именно просоветские симпатии, хотя и выраженные в разной степени», – пишет российский ученый Михаил Мельтюхов³⁷. Визуальным подтверждением этих слов являются фотографии гигантских митингов в Вильнюсе, Риге и Таллине с требованиями присоединения к СССР в 1940 году.

Подлинной трагедией литовского, латышского и эстонского народов является не мифическая «советская оккупация» и даже не то, что их маленькие страны оказались заложниками геополитической ситуации в Европе, а то, что в их обществах произошел классовый раскол, обернувшийся в годы Второй мировой войны гражданским противостоянием.

Факт этого раскола категорически не желают признавать нынешние власти: согласно их мифологии, прибалтийские народы были, во-первых, едины и неделимы, во-вторых, были жертвами. Они согласны даже признать сознательным выбором тех латышей или эстонцев, что шли воевать в Латышский и Эстонский легионы СС, но стараются не вспоминать о литовцах, латышах и эстонцах, что шли воевать в Красную армию. Они героизируют боровшихся с советской властью партизан («лесных братьев»), но ничего не говорят о советском антифашистском движении в Прибалтике (в котором, например, участвовал отец президента Литвы Дали Грибаус-

³⁷ Мельтюхов М. И. «Прибалтийский плацдарм (1939–1940 гг.). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря» М.: Алгоритм, 2014.

кайте – красный партизан из отряда «Бирутис-4» Поликарпас Грибаускас).

Наконец, совершенно смехотворными выглядят заявления об оккупации не как об акте, а как о состоянии: «50 лет советской оккупации». Здесь достаточно будет только упомянуть, что большинство прибалтийских политиков, утверждающих подобное, сами вышли из структур советской «оккупационной власти», в которой русских кадров было не больше, чем сейчас³⁸.

Однако любое усложнение реальности, появление в ней нюансов и полутонов разрушает миф. А прибалтийское руководство разрушения мифологии «советской оккупации» допустить не может: эта мифология – краеугольный камень, лежащий в основе легитимности их политических режимов. Поэтому в странах Балтии предусмотрены репрессивные меры за «отрицание оккупации»: несогласие с официальной позицией по отдельным историческим вопросам там преследуется в уголовном порядке.

³⁸ Подробнее см. главу IV.

2. «Возмещение ущерба» и тюрьма за отрицание «оккупации»: историческая политика в странах Балтии

В Риге и Таллине открыты Музеи оккупации, в Вильнюсе в бывшем здании гестапо и НКВД действует Музей геноцида Литвы (посвященный почти исключительно действиям НКВД, а не гестапо). Эти музеи – визуальное свидетельство конструирования в странах Балтии идеологии тотального отказа от советского прошлого путем приравнивания Советского Союза к Третьему рейху, Сталина – к Гитлеру, а коммунизма – к нацизму. В музеях всё это воплощено буквально: в Риге при входе в Музей оккупации Латвии слева на тебя смотрит гигантский портрет Сталина, справа – Гитлера. После ритуального уравнивания всего советского со всем нацистским начинается леденящий душу рассказ о преступлениях «двух равно преступных тоталитарных режимов». Довольно быстро выясняется, что про второй тоталитарный режим почти не вспоминают, а говорят только о советском режиме.

И прибалтийские законы, вводящие уголовную ответственность за несогласие с оккупационной доктриной, были приняты в продолжение серии законов, по

которым многие европейские страны вводят уголовное преследование за отрицание Холокоста и других преступлений нацистов.

Давняя идея «ястребов» холодной войны о том, что коммунизм и нацизм суть две равно преступные идеологии, получила в Европе своих самых горячих сторонников после вступления в ЕС стран Восточной Европы. В 2010 году Литва, Латвия, Болгария, Венгрия, Румыния и Чехия даже предложили в Брюсселе законопроект о «двойном геноциде», вводящий общеевропейскую ответственность за отрицание преступлений коммунистических режимов, равно как и нацистских. Тогда этот документ не прошел. Однако восточно-европейские (в частности, балтийские) страны продолжают пропагандировать знак равенства между коммунизмом и нацизмом, а отрицание советской оккупации приравнивают к отрицанию Холокоста.

Примечательная деталь: уголовное преследование стало инструментом исторической политики в балтийских странах не в начале 90-х годов, сразу после провозглашения независимости, а на третьем десятилетии национально-государственного строительства, когда все историко-идеологические споры, казалось бы, должны были уже отгреметь.

Сейм Литвы принял 15 июня 2010 года поправки к Уголовному кодексу, предусматривающие тюремный срок за отрицание оккупации – в дни, когда вспоминали памятные события 70-летней давности. «Тот, кто публично словесно или

в письменной форме поддерживает проведенную агрессию СССР или нацистской Германии против Литовской Республики, оправдывает её, принижает или отрицает, или словесно или письменно поддерживает геноцид или другие преступления против человечества совершенные СССР или нацистской Германией <...> наказывается штрафом или арестом, или лишением свободы сроком до двух лет», – говорится в Уголовном кодексе Литовской республики.

В Латвии Сейм в 2005 году принял декларацию «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима Союза Советских Социалистических Республик», а решение сажать за несогласие с официальной позицией по историческим вопросам было принято 15 мая 2014 года: за «публичное прославление, отрицание, оправдание или грубое уничтожение» геноцида и преступлений против человечества, совершенных советским или нацистским оккупационным режимом, согласно поправкам к уголовному законодательству, полагается до 5 лет тюрьмы.

В Эстонии сажать за «неправильное» представление об истории пока не решились, хотя депутаты Рийгикогу от ультраправой фракции «Союз Отечества и Res Publica» периодически вносят подобные предложения. Однако и там выступление против официальной доктрины чревато проблемами. Хотя бы карьерными. Пишет главный научный сотрудник Института социологии РАН, российский социолог Ре-

нальд Симонян: «В конце 1991-го – начале 1992 года возник конфликт между будущим первым президентом Эстонии, а тогда министром иностранных дел Л. Мери, получившим пост министра ещё в апреле 1991 г., т. е. при советской власти, и его заместителем – известным правоведом-международником, проф. Р. Мюллерсоном. Причина конфликта заключалась в том, что Р. Мюллерсон, анализируя документы, связанные с присоединением Эстонии к СССР, пришел к выводу, что юридически оккупации не было, все соглашения с Советским Союзом были подписаны президентом К. Пятсом – легитимным тогда главой государства – без каких-либо оговорок, комментариев или последующих дезавуирующих заявлений. Такой вывод не устраивал министра. Р. Мюллерсону был устроен разнос, и он был изгнан со своей должности»³⁹.

У всего этого высокоидейного законотворчества, помимо прочего, есть вполне практическая, даже, можно сказать, цинично-меркантильная цель: получить деньги.

В 2013 году депутат Европарламента от Латвии Инесе Вайдере (член КПСС с 1977 года) организовала в Брюсселе конференцию «Давид и Голиаф – малые народы под гнетом тоталитарных режимов». «Недавние переговоры о бюджете ЕС, к сожалению, доказали, что не все готовы делать

³⁹ Симонян Р. Х. Оккупационная доктрина в странах Балтии: содержательный и правовой аспекты // Государство и право. 2011. – № 11. – С. 106–114.

выводы из истории. Нередко в ЕС мы наблюдаем, что малым народам навязываются компромиссы, игнорируются их национальные интересы. Упомяну хотя бы сокращение одного депутатского места в Европейском парламенте для малых стран, а также явно несправедливое отношение к нашим крестьянам. Вопреки обещаниям, в ЕС до 2013 года так и не выровнены прямые дотации крестьянам, несмотря на то что все конкурируют на едином рынке ЕС», – заявила г-жа Вайдере, подводя итоги конференции.

И этим заявлением, что называется, «спалилась».

Главная практическая цель разговоров о равенстве коммунизма нацизму вообще и «советской оккупации» в частности у стран Балтии состоит в том, чтобы создать к себе привилегированное отношение как к «невинным жертвам», а в идеале добиться материальных компенсаций за «оккупацию».

Именно от этого идет такое навязчивое сравнение с нацизмом: ведь Израиль получал от Германии материальные компенсации за геноцид евреев при Гитлере. Литва, Латвия и Эстония в начале 90-х годов поставили перед собой задачу стать «Израилями на Балтике». На требования к Германии возместить им ущерб за несколько лет нацистской оккупации страны Балтии до сих пор не решались. «Литва не готова требовать оплату с Германии. К такому шагу нужно хорошо подготовиться, а не вынимать такую идею к выборам как кролика из шляпы. Это может серьезно навредить нашему

престижу», – заявлял, например, президент Литвы Валдас Адамкус в 2008 году, комментируя предложение комитета по иностранным делам Сейма включить в проект постановления о «компенсациях за оккупацию» денежные претензии не только к России, но и к Германии. Учитывая, что Литва тогда уже была членом ЕС, портить отношения с генеральным спонсором Евросоюза, дотирующим восточно-европейских «приживалок», ей в самом деле было не с руки.

А вот чтобы Россия как правопреемник СССР финансово возмещала им потери за все «50 темных лет» – это другое дело. С этой целью в балтийских республиках даже были созданы Комиссии по подсчету ущерба от советской оккупации.

В Литве в 2000 году Сейм принял закон «О возмещении ущерба от советской оккупации». Для подсчета этого ущерба при Сейме была создана соответствующая комиссия. Предварительно ущерб от «оккупации» в середине 2000-х в Вильнюсе оценивали в 30 миллиардов евро, однако затем подошла эпопея с закрытием Игналинской АЭС, которую литовские правые тоже расценили как «наследие оккупации», за которое Москва обязана заплатить дважды (за то, что построила, и за то, что литовцы теперь ломают).

В итоге Россия «попала на счетчик» окончательно: за всё про всё депутаты литовского Сейма ей насчитали 834 миллиарда долларов.

Латвийская Комиссия работала с 2005-го по 2009 год, по-

сле четырех лет «затягивания поясов» правительством Домбровскиса, возобновила свою работу в 2013 году. В состав Комиссии входят представители прокуратуры, Военного музея, Центра исследования Балтии и Севера, Музея оккупации Латвии, Общества исследования оккупации, Латвийского университета, а также ряда министерств – экономики, обороны, иностранных дел и регионального развития. В мае 2009 года Комиссия огласила итоги четырех лет своей исторической (во всех смыслах) бухгалтерии.

По её подсчетам вышло, что Россия должна заплатить Латвии за «50 лет оккупации» от 180 до 250 миллиардов евро.

Кроме этой официальной бухгалтерии были ещё и многочисленные энтузиасты, также предъявлявшие общественности «общий счет» к России. Ещё в 1990 году доктор экономических наук Модрис Шмулерс подсчитал: убытки Латвии составили 63 миллиарда рублей. В 1991 году называлась уже большая цифра – 83,9 миллиардов рублей, что по тогдашнему курсу равнялось 46,6 миллиардов долларов. Звучала и сумма в 60-100 миллиардов долларов. Но итоговая цифра Комиссии по подсчету ущерба переплюнула их всех!

В Эстонии изучение размеров ущерба, причиненного «советской оккупацией», началось ещё в 1992 году. В итоге была составлена так называемая Белая книга, согласно которой за годы советской и фашистской оккупаций Эстония потеряла около 180 тыс. человек. Компенсацию за каждо-

го погибшего эстонские эксперты не рассчитывали, однако ущерб, причиненный советской армией эстонской экологии, был оценен ими в 4 млрд долларов.

Любопытна методика подсчета, с помощью которой прибалтийские исследователи получают такие цифры. Например, латвийская Комиссия при подсчете ущерба исходила из допущения, что если бы не «оккупация», то Латвия в 1940–1990 годах развивалась бы также, как Финляндия, Дания и Австрия. Соответственно, её ВВП за эти годы был бы выше на 123 миллиарда латов при сравнении с Финляндией, на 147 миллиардов латов при сравнении с Австрией и на 178 миллиардов латов при сравнении с Данией. «Недополученный» ВВП в рублях составляет соответственно 251, 301 и 364 миллиарда. К этой сумме прибавляются компенсации латышам, пострадавшим от сталинских репрессий в 1940-х годах, – Россия должна возместить Латвии те социальные выплаты, что та платила репрессированным последние 20 лет, и заплатить сверх того. А также латвийским чернобыльцам, потому что последствия аварии на Чернобыльской АЭС – это тоже «наследие оккупации» (отсюда логически следует, что если бы Латвия в 1986 году была независимой страной и членом НАТО, то радиоактивное облако лететь бы в её сторону не решилось). Кроме того, необходимо заплатить Латвии за испорченную экологию: разработку доломитовых месторождений в прибрежной зоне, строительство загрязняющих окружающую среду фабрик и заводов и прочее. Наконец, всей

латышской нации в целом положена компенсация за моральный ущерб, который эта нация испытывала, полвека пребывая «под пятой оккупантов». Так в общей сложности 180–250 миллиардов евро и набегает. По литовским меркам сравнительно недорого.

Остается добавить, что на производство этого кафкианского бреда Комиссия по подсчету ущерба от советской оккупации получает из латвийского бюджета 200 тысяч евро в год. После кризиса, в 2013 году, её финансирование было восстановлено в приоритетном порядке. При том что всем давно понятно, что никаких практических результатов её деятельность не имеет и иметь не может – Российская Федерация ещё 20 с лишним лет назад отказалась признавать «оккупацию» Прибалтики Советским Союзом и с тех пор последовательно заявляла, что не признает этого никогда.

3. Комиссии историков: прошлое как догматическая основа легитимности прибалтийских режимов

Еще одним доказательством того, что история для балтийских стран – это политика, опрокинутая в прошлое, стала работа двусторонних комиссий историков, деятельность которых в итоге свелась к требованиям прибалтийских ученых к российским коллегам признать факт «советской оккупации».

Первой в 2006 году была создана российско-литовская комиссия. С российской стороны её возглавил директор Института всеобщей истории РАН, академик Александр Чубарьян, с литовской – директор Института истории Литвы, доцент кафедры истории Литвы исторического факультета Вильнюсского педагогического университета Альвидас Никжентайтис. С первых же дней была определена область совместных исследований: «Пакт Молотова – Риббентропа» и события 1940 года в Прибалтике. По итогам первого раунда переговоров в 2006 году вышел сборник документов «Россия и Литва в годы Второй мировой войны (март 1939 – август 1940)». Министр иностранных дел Литвы Антанас Валионис оценил этот сборник как «литовскую версию оценки событий предвоенного периода» – российские коллеги-исто-

рики работой над этим сборником якобы подтвердили теорию оккупации. Российскому МИД пришлось это опровергать (второй том сборника документов был презентован в Вильнюсе в марте 2013 года).

Впоследствии работа российско-литовской комиссии была практически прекращена. Последняя встреча российских и литовских историков в рамках комиссии проходила осенью 2009 года в Вильнюсе – «круглый стол» «Столетия рядом. Исторические связи России и Литвы до 1991 года», посвященный 515-летию подписания мирного договора между Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским. То есть за пределы средневековья ученые двух стран, изначально объединенные для решения сложных межгосударственных вопросов, в конечном счете выйти не решились. В следующем году литовский Сейм принял закон об уголовном преследовании за «отрицание факта оккупации», в 2011 году во время визита главы российского МИД Сергея Лаврова в Вильнюс литовский коллега Аудрунюс Ажубалис публично потребовал от российской стороны принести извинения за «оккупацию» с последующей выплатой компенсаций... И работа российско-литовской комиссии историков на таком фоне окончательно сошла на нет. Дошло до того, что когда в 2013 году после 8-летнего перерыва в Литве возобновила свою работу Международная комиссия по оценке преступлений нацистского и советского режимов, российские участники двусторонней комиссии историков не

только не были приглашены к работе в данной структуре, но даже не были поставлены в известность о её создании.

Еще хуже сложилась история с российско-латвийской комиссией: после трех лет работы Латвийская республика со скандалом отказалась в ней участвовать.

Комиссия была учреждена в 2011 году – по итогам официального визита в Москву президента Латвии Валдиса Затлерса. С российской стороны её возглавил всё тот же глава Института всеобщей истории РАН, академик Александр Чубарьян, с латышской – профессор Латвийского университета, член комиссии историков при президенте Латвии Инесис Фелдманис (знаменитый к тому времени фразой «Лагерь строили привезенные из Германии евреи, и из них какая-то тысяча в Саласпилсе погибла»). По словам Фелдманиса, накануне старта работы комиссии латвийские историки уже определили список тем, по которым их позиция меняться не будет, и среди них, разумеется, «50 лет советской оккупации».

«Хочу подчеркнуть главное, что даст эта комиссия: она способствует пониманию в России, что, какой бы ни была история, историческую правду следует признавать и что не может быть так, что цвет истории только белый или только черный. История не белая и не черная, она серая, и у всех в ней есть свои грехи. Надеемся, что историческая комиссия поспособствует тому, что российские официальные должност-

ные лица придут к выводу, что у них нет иного выхода, как только официально признать факт оккупации в Латвии», – прокомментировал И. Фелдманис первое заседание российско-латвийской комиссии газете «Diena».

У латвийских и литовских официальных историков, таким образом, чувствуется общий стиль: создание межгосударственной комиссии они восприняли как проявление Россией слабости и вознамерились надавить на российских коллег, чтобы они в конце концов признали «советскую оккупацию».

«Существует сотрудничество между историками России и Латвии в вопросе изучения других исторических эпизодов, не связанных с оккупацией, но для латвийской стороны это всё второстепенно, – рассказывал RuBaltic.Ru член двусторонней комиссии с российской стороны, историк Александр Сытин. – С российской стороны предлагалось довести хронологические рамки для работы комиссии хотя бы до 1905 г. – а им это неинтересно. Надо сказать, что всё-таки латвийский состав комиссии очень политизирован и идеологизирован. Это не свободные историки, это люди, которые обслуживают определенные идеологические требования государства».

После Фелдманиса в 2012 году пост сопредседателя комиссии с латвийской стороны занял профессор Латвийского университета и бывший советник президента по вопросам истории и национальных меньшинств Антоний Зунда.

Уже в следующем году Зунда призвал ко второму Нюрнбергскому трибуналу – над Советским Союзом и коммунистической идеологией. На скамье подсудимых, надо полагать, должен был оказаться единственный правопреемник СССР – Россия. Практически одновременно с этим заявлением было объявлено о том, что в Сейме Латвии возобновляется работа комиссии по подсчету ущерба от оккупации.

Кроме идеологической обработки российских коллег у латвийских историков была ещё одна причина заседать в межгосударственной комиссии – доступ к российским архивам. Российская сторона сдержала своё обещание и открыла для латвийских специалистов важный архив Министерства иностранных дел, где находятся ранее неизвестные документы, в частности, доклады советских послов из Риги, свидетельства работы консульства в Лиенае, – это подтвердил А. Зунда осенью 2013 года. Латвийская сторона пока не получила доступа к архивам федеральной безопасности, но для этого делается всё возможное – добавил затем сопредседатель российско-латвийской комиссии историков⁴⁰.

Учитывая, что кроме событий 1939–1945 года латвийских историков в Москве практически ничего не интересовало, очевидно, что именно они хотели найти в архивах российских МИД и ФСБ. Доказательства «советской оккупации».

⁴⁰ Латвийские и российские историки готовят уникальный сборник документов // http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/242541-latviyskije_i_rossiyskije_istoriki_gotovjat_unikalnij_sbornik_dokumjentov

В случае обнаружения как раз и появлялись бы основания для вожделенного «второго Нюрнберга». Но ничего полезного в московских архивах обнаружить, судя по всему, не удалось, поэтому в 2014 году под благовидным предлогом международной напряженности вокруг Украины Латвия отказалась работать в двусторонней комиссии историков, расписавшись (невольно) таким образом в неспособности приравнять СССР к гитлеровской Германии, доказать «советскую оккупацию» и заставить Россию нести за нее международную ответственность на «втором Нюрнбергском процессе».

В итоге гора родила мышь: весь вклад российско-латвийской комиссии в историческую науку – несколько сборников документов и статей. Аналогичная ситуация с российско-литовской комиссией.

Эти комиссии только подтвердили то, что большинству внешних наблюдателей и так давно было понятно: история в странах Балтии – это область не науки, а исключительно идеологии и пропаганды.

4. Сакральная дата Литовской республики: 13 января

Первым и самым громким случаем применения на практике литовского закона об уголовном преследовании за «отрицание оккупации» стало «дело Палецкиса».

Альгирдас Палецкис – младший представитель выдающийся политической династии Палецкисов: сын депутата Европарламента от социал-демократов Юстаса Винцаса Палецкиса, внук первого главы Литовской ССР Юстаса Игновича Палецкиса. Палецкис-младший долгие годы шел по стопам отца с дедом: делал карьеру в МИД, в Социал-демократической партии, избирался депутатом Сейма. Но затем стал самым известным политическим диссидентом Литвы, а политическая элита страны и родная партия, к которым Палецкис принадлежал по праву рождения, подвергли его остракизму. На сегодняшний день Альгирдас Палецкис – лидер Социалистического фронта Литвы и самый яркий критик того общественного строя, который сформировался в Литве по итогам двух десятилетий строительства нового государства. Это не просто оппозиционер в рамках существующей политической системы: Палецкис-младший выступает против самых основ постсоветской Литвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.